

Х. Хайнен

РАСЦВЕТ И УПАДОК СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ О РАБСТВЕ. ОЧЕРК О ВЗАИМОСВЯЗИ ПОЛИТИКИ И НАУКИ*

В статье рассматривается развитие советской историографии античного рабства, начиная с Октябрьской революции и до перестройки 1980-х годов. Показано, как оно зависело от политических указаний, исходящих из догм учения о формациях. Постепенно происходил переход от социологических обобщений к конкретно-историческим исследованиям. Однако дальнейшее развитие сковывалось марксистско-ленинской ортодоксией, которая становилась все более жесткой несмотря на попытки ряда историков отвоевать пространство для свободных дискуссий. В результате еще задолго до перестройки в СССР без каких-либо внешних причин начался упадок в области изучения рабства.

Ключевые слова: СССР, историография, античное рабство, марксизм-ленинизм, Е.М. Штаерман, М.Е. Сергеевко.

Советские исследования античного рабства одно время пользовались значительным влиянием, а теперь его по существу утратили. Принимая во внимание достижения нескольких поколений советских историков и принесенные ими жертвы, это драма, часть большой драмы, которая завершилась вместе с концом Советского Союза. Обращаясь к рассмотрению советской историографии рабства, западный ученый попадает из относительной тиши своего кабинета прямо в гущу страданий и политических страстей иной эпохи и чужой страны¹.

Представление об этой атмосфере, об особенностях работы ученых в условиях Октябрьской революции и в последующее время, о терроре и диктатуре Сталина, о десталинизации и сменявших друг друга волнах послаблений и «завинчивания гаек», наконец, о застое конца советской эпохи становится все более наглядным с появлением новых источников и исторических повествований,

Хайнц Хайнен (1941–2013). См. ВДИ. 2014. № 1. С. 230.

* *От редакции.* Публикуя перевод одной из последних работ недавно ушедшего крупного ученого (Heinen 2010, 95–138), мы не только отдаем дань памяти коллеги, много сделавшего для отечественного антиковедения и сотрудничества с советскими и российскими учеными, но и рассчитываем, что его статья станет важным вкладом в изучение советской историографии античности, которое как раз сейчас выходит на новый уровень.

Перевод с немецкого Е.В. Ляпустиной.

¹ В основе настоящей статьи лежит доклад, сделанный в ходе организованного Ульрикой Рот «Круглого стола по древнему рабству» (Эдинбург, 14–16 сентября 2007 г.). Благодарю Ульрику Рот за любезное приглашение выступить на этой конференции с докладом о советской историографии рабства. Текст, произнесенный тогда, я значительно расширил за счет биографических и автобиографических материалов советских историков. Я признателен Андрею Бинсфельду, Йоханнесу Дайслеру и Патрику Рейнардусу за внимательное прочтение текста и полезные замечания.

биографий и автобиографий, воспоминаний то критического, то ностальгического характера².

В нашем распоряжении оказывается все больше подлинных свидетельств, весомых и убедительных, чего два десятилетия назад мы не могли себе и представить. Прежде всего, я имею в виду здесь внушительную автобиографию московского историка-медиевиста Е.В. Гутновой (1914–1992)³. По своему происхождению она принадлежала к семье социалистов, игравшей видную роль в партии меньшевиков и поэтому жестоко пострадавшей в ходе сталинских репрессий. Воспоминания Гутновой рисуют трудный, но все же успешный жизненный и профессиональный путь одной из представительниц еврейской интеллигенции; к числу ее подруг долгое время принадлежала Е.М. Штаерман (1914–1991), известный советский историк-антиковед. Помимо множества индивидуальных деталей эта автобиография рисует очень выразительную картину политической и в особенности университетской жизни, условий изучения и преподавания истории в Московском университете и вообще в Советском Союзе.

Какие-то из этих свидетельств и ретроспективных размышлений включены в настоящую статью, другие впечатления от услышанного в разговорах или прочитанного скрыты на заднем плане и не цитируются, и остается еще много того, что нужно было бы учесть. Разумеется, ссылки на литературу никоим образом не претендуют на полноту. В силу своей важности и объема данная тема могла бы предоставить богатый материал для целой монографии⁴. В настоящей статье

² Прежде всего см. общее изложение в книге: Фролов 1999; рец. Fikhman 2004, а также Гаврилов 2003 (критический разбор с дальнейшим углублением темы). Последующие важные публикации: «Портреты историков. Время и судьбы» (т. 1–4, Москва–Иерусалим, 2000–2004; т. 3 посвящен древности и средневековью). Весьма яркое и чрезвычайно критическое изображение политических условий и закулисных обстоятельств дает историк Я.С. Лурье в первоначально опубликованной им под псевдонимом биографии своего отца (Лурье 2004). С.Я. Лурье (1891–1964) был одним из самых ярких и своенравных представителей ленинградского антиковедения. О его личности и творчестве ср. Фролов 1999, 452–477. Не менее, чем Я.С. Лурье, резок в своих суждениях Л.С. Клейн (Клейн 1993; расширенный нем. пер. Klejn 1997). Для моей более узкой темы эта книга интересна не только из-за тесной связи между древней историей и археологией (в данном случае главным образом первобытной археологией), но и тем, насколько выпукло рисует Клейн важнейшие черты советской научной политики. Подробнее см. ниже прим. 9.

³ Гутнова 2001. Уже после завершения работы над данным текстом в мои руки благодаря московской коллеге Е.В. Ляпустиной попала книга: Гуревич 2004. А.Я. Гуревич, московский медиевист (как и Гутнова), описывает историческую обстановку иначе, намного более критически. Свои возражения против точки зрения Гутновой он изложил в пространной рецензии (Гуревич 2002, 362–393). Автор упрекает Гутнову прежде всего в том, что она упустила из вида или обошла молчанием существенные политические и научные моменты. Если бы я стал последовательно рассматривать такие различия в оценках, это нарушило бы рамки не только данного примечания, но и всей статьи. Тем более я не претендую на то, чтобы некоторым образом установить «истину». Значение имеют прежде всего подлинность и репрезентативность повествования Гутновой о ее жизни. Для нее, как, наверное, и для большинства ее коллег, характерна позиция, в которой неразрывно слиты добровольное и вынужденное сотрудничество, ощущение виновности и роль жертвы, воспоминания и вытеснение из памяти.

⁴ Достойный внимания обзор Е.А. Чиглинцева, если не считать отдельных замечаний, по существу оставляет в стороне советскую историографию античного рабства, так как «по объему и качеству материала она должна быть предметом специального анализа в отдельной работе» (Чиглинцев 2000, 13). Более раннюю библиографическую сводку см. Petit 1972, 9–27.

возможно лишь наметить некоторые линии и проиллюстрировать их отдельными примерами. Прежде всего речь пойдет о пути, пройденном советскими исследованиями рабства, их развитии в контексте политических установок, идеологических догм и не в последнюю очередь о попытках науки с помощью марксистско-ленинских принципов и методов отвоевать себе пространство свободы для более творческого общения. По этой причине в соответствующих местах цитируются пространные выдержки из текстов классиков марксизма, а также из имеющихся в наличии в настоящее время биографических и автобиографических источников, относящихся к советским историкам. Основная моя задача состоит в том, чтобы показать переплетение политики и науки в советских исследованиях рабства и таким образом вписать их достижения и неудачи в картину исторического развития в целом. В мои намерения в рамках настоящей работы не входит подробный и критический разбор теоретических основ, методологических подходов и результатов советских исследований об античном рабстве. Постановка такой цели потребовала бы совершенно иной компоновки материала и едва ли сочеталась бы с его хронологическими рамками.

1. Введение

Хотелось бы начать с одной цитаты: «Мы старались изложить положение людей, составлявших самую многочисленную часть населения древней Греции, разумея не только собственно Элладу, но и обширные эллинские поселения на востоке и на западе; людей трудолюбивых, полезных, обративших в цветущий сад даже горные местности, но лишенных свободы и угнетенных, хотя содействовавших благополучию своих повелителей и поддерживавших их блеск и славу»⁵. Так писал не какой-нибудь советский историк античного рабства, а профессор, преподававший всеобщую историю в Московском и Петербургском университетах в царское время, – Михаил Семенович Куторга (1809–1886). Это высказывание свидетельствует о необычайно сильном интересе к рабству. Куторга посвятил ему свыше 400 страниц своего сочинения об афинской гражданской общине. А наряду с этим мы чувствуем и глубокую симпатию автора к угнетенным, на труде которых зиждились блеск и слава их господ. Здесь, кажется, проглядывает критическое отношение к социально-экономическим условиям царской России. Во всяком случае высказывание Куторги напоминает нам о большом интересе у русских историков античности к социальным проблемам не только древнего мира, но и их собственной страны. Это связь, которую мы находим также и у М.И. Ростовцева⁶. Построения советской историографии в области социально-экономической истории в своих специфических проявлениях были следствием Октябрьской революции 1917 г., однако корнями своими уходили далеко и глубоко в царскую эпоху.

Моя тема обусловлена характером нашего собрания, призванного упрочить взаимные контакты между исследованиями рабства в Германии и в других странах и главное – способствовать тому, чтобы проблемы, которые в прошлом такие контакты затрудняли, осознавались и обсуждались. К числу таких проблем в первую

⁵ Куторга 1894, 461. М.С. Куторга проводит параллели между афинскими рабами и русскими крепостными до реформы 1861 г.; об этом см. Lencman 1966, 9–11 и особ. Фролов 1999, 142–174 (Куторга и его школа). О Куторге см. также: Бузескул 2008, 99–104 и там же (с. 639) примечание И.В. Тункиной о М.С. Куторге.

⁶ Wes 1990; Heinen 2006, 172–189. Много новых материалов о Ростовцеве содержится в двух томах: Скифский роман 1997; Парфянский выстрел 2003.

очередь относится дискуссия об основной направленности проекта Майнцской академии по античному рабству, воспринимавшейся как антимарксистская, и об антикварно-гуманистическом подходе, в котором упрекали основателя и многолетнего руководителя этого проекта Йозефа Фогта⁷. Резкой критике подверг оценку античного рабства у Фогта и в некоторых публикациях так называемой «майнцской школы» прежде всего Мозес Финли. Его суровый вердикт в решающей степени предопределил оценку майнцкого проекта за пределами Германии и особенно в англоязычном мире. Об этих дискуссиях сказано в других выступлениях на нашем заседании⁸. Настоящий доклад связан с этими спорами постольку, поскольку и в нем речь идет о марксистской историографии, однако не на материале дискуссий былых времен, а исходя из моей собственной точки зрения на советские исследования о рабстве. То, что я сосредоточился на советских работах (а не стал рассматривать в целом весь спектр восточно-европейской или даже еще более обширной западной историографии рабства, испытывавшей влияние марксизма), представляется мне оправданным по двум причинам: во-первых, потому что проект Фогта был нацелен на критику и опровержение советского учения о рабовладельческом строе древнего мира, и, во-вторых, потому что советские исследования рабства сами по себе – тема содержательная и поучительная, независимо от того, какое отношение они встречали со стороны проекта Майнцской академии или европейских левых. В результате Октябрьской революции, следуя направлению соответствующего политического курса, советская историография рабства развивалась в известной мере по собственным законам.

Моя статья строится следующим образом: сначала дается общая картина того, как изучение рабства проходило в тесной связи с политической историей, потому что цезуры в политике в то же время членили советскую историческую науку в теории и на практике⁹. После этого краткого обзора я сосредоточусь на работах, посвященных изучению рабства в древности, на разных его этапах: начальный период этих исследований в первые десятилетия после революции, их углубление

⁷ Ср. Heinen 2005, 372–374.

⁸ Ср. Deissler 2010, 77–93; Hermann-Otto 2010, 61–75.

⁹ О развитии советской исторической науки и древней истории в особенности ср. Raskolnikoff 1975 (это исследование завершается 1965-м годом; продолжение см. Raskolnikoff 1980, 3–69); Die Geschichte des Altertums... 1980; Hösler 1995. Лучший и наиболее развернутый обзор русской и в частности советской науки об античности (с сильным акцентом на древнюю историю и условия для занятий ею в Ленинграде) дан в книге Э.Д. Фролова (1999). Ср. также весьма информативную статью польского коллеги: Lengauer 2000, 89–116. Первостепенное значение имеет Rubinsohn 1993 как кладезь информации об изучении древней истории в Советском Союзе, выходящей далеко за рамки тематики самой этой книги (восстаний рабов). Еще больше о внутренних перипетиях и напряженных отношениях в советском, особенно ленинградском антиковедении можно узнать из биографии С.Я. Лурье (Лурье 2004). Только что, спустя почти 80 лет после смерти автора, опубликована полная версия объемного труда В.П. Бузескула (1858–1931) о русской исторической науке (Бузескул 2008). Более раннее неполное издание выходило в двух томах в Ленинграде, соответственно в 1929 и 1931 гг. В этой работе рассматриваются только годы революции, гражданской войны и укрепления советской власти. Об этом времени ср. Тункина 2008, 11–42, с ранее не публиковавшимися архивными материалами. В своем издании И.В. Тункина публикует замечательную рукопись В.П. Бузескула «Гражданские войны, диктатура и террор» (Бузескул 2008, 471–476). Хотя новое издание важно для русской и ранней советской историографии, едва ли в нем могли быть затронуты начавшие появляться лишь позднее, в начале 1930-х годов, советские работы по античному рабству.

в предвоенное и послевоенное время, достижение кульминации с принятием в 1960 г. семилетнего плана исследований «Истории рабства в античном мире» и упадок в конце 1970-х годов, задолго до перестройки. Иссякание советских исследований рабства было частью процесса сжатия марксистско-ленинской историографии, а тот в свою очередь – частью еще более масштабного политического и интеллектуального кризиса. Перестройка зафиксировала этот упадок, ее результатом стало прекращение исследований рабства в постсоветской России, в то время как на Западе интерес к рабству в древности и в Новое время, в Старом и в Новом свете переживал заметный подъем. Очевидно, Россия идет иным путем. В нашей конференции в Эдинбурге ее ученые не участвовали. Надеюсь, что мой доклад сможет немного заполнить эту пустоту.

2. Исторический фон

2.1. ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ ГОДЫ

Вследствие Октябрьской революции 1917 г. исчезли не только царская власть и «старый порядок», но и традиционные наука и образование. Исторические факультеты были закрыты, многие крупные историки, например, М.И. Ростовцев, покинули страну, другие, как С.А. Жебелев, остались, ожидая развития событий, и искали новых путей в старой Академии наук или в основанной в 1919 г. Российской академии истории материальной культуры, впоследствии Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК). Однако о проникновении в науку и преподавание типично марксистского понимания истории поначалу еще не было и речи. Впрочем, разрабатывали его в первую очередь не историки – решающие импульсы исходили от политики¹⁰.

Одним из таких импульсов была статья В.И. Ленина «О государстве», восходящая к речи, произнесенной им еще в 1919 г., но опубликованная только десять лет спустя¹¹. В этой статье Ленин, опираясь на Ф. Энгельса, дал набросок схемы исторического развития, с неизбежностью ведущей к победе коммунизма. Согласно данной концепции, каждый большой этап истории человечества отличается определенным способом производства и образует историческую формацию. За бесклассовым первобытным обществом следуют далее в хронологическом порядке рабовладельческий строй, феодализм, капитализм, социализм и, наконец, бесклассовое коммунистическое общество. Здесь необходимо процитировать ключевой для темы античного рабства отрывок, так как значение его для советских исследований рабства оказалось решающим и таковым оставалось:

И это деление общества на классы в истории должно стоять перед нами ясно всегда, как основной факт. Развитие всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов – первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем – общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое. Через это прошла вся современная цивилизованная Европа – рабство было вполне господствующим 2 тысячи лет тому назад. Через это прошло громадное большинство народов остальных частей

¹⁰ О периоде с 1917 по 1930 г. ср. Raskolnikoff 1975, 25–73. Изложение с советской, марксистской точки зрения: Тюменев 1932, 32–34; Мишулин 1942, 103–107; Lencman 1966, 38–62 = Ленцман 1963, 44–64 (советская историография рабства).

¹¹ Ленин 1919, 64–84.

света. У наименее развитых народов следы рабства остались еще и теперь, и учреждения рабства, например, в Африке, вы найдете и сейчас. Рабовладельцы и рабы – первое крупное деление на классы. Первая группа владела не только всеми средствами производства – землей, орудиями, как бы слабы, примитивны они тогда ни были, – она также владела и людьми. Эта группа называлась рабовладельцами, а те, кто трудился и доставлял труд другим, назывались рабами.

За этой формой последовала в истории другая форма – крепостное право. Рабство в громадном большинстве стран в своем развитии превратилось в крепостное право. Основное деление общества – крепостники-помещики и крепостные крестьяне¹².

Эта схема была еще более ужесточена в 1938 г. Сталиным и с тех пор служила основой всех советских работ в области истории¹³. Соответственно, первым классовым обществом в истории человечества была древность, характеризующаяся противоречием между рабами и рабовладельцами. Возражений против этой концепции советская власть не допускала, потому что каждая формация представляла собой необходимую ступень исторического прогресса на пути к пролетарской революции. Смена определенной формации следующей за нею, по мысли Ленина, вызывалась противостоянием классов, в древности – антагонизмом между рабами и рабовладельцами. Классовая борьба в конечном счете ведет к гибели антагонистических классов и расчищает путь к следующей стадии в истории человечества.

Лекция Ленина «О государстве» действительно положила начало так называемой марксистско-ленинской теории истории. Однако по-настоящему преобразование советской исторической науки началось лишь в 1929 г., когда эта работа была опубликована посмертно (Ленин умер в 1924 г.), а не еще в революционном 1919 г. Пауза станет еще более очевидной, если вспомнить, что после устранения Троцкого в 1927 г. происходило последовательное укрепление единоличной власти Сталина¹⁴.

Еще одна политическая тема, стоявшая тогда в повестке дня, форсировала в 1928–1930 гг. дискуссию об обязательности порядка смены исторических формаций: революция в Китае. Спор о направленности и шансах на успех этой революции привел к утверждению в официальной советской марксистской теории концепции, согласно которой последовательность формаций носит всемирно-исторический характер, а представление об особом азиатском способе производства следует отвергнуть¹⁵. Этой дискуссии и ее влиянию на советские исследования о древнем Востоке и на последующее развитие учения о формациях в целом отводится центральное место в следующих разделах.

2.2. СТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД (1929–1953)

Для древней истории концентрация на рабовладельческом строе была совсем не легкой задачей, так как понимание древности как эпохи классового противостояния рабов и рабовладельцев было чем-то совершенно новым, и у советских историков древнего мира не имелось при этом никаких образцов. Историю приходилось заново продумывать, заново писать и совершенно иначе преподавать. Большинство старых ученых довоенного времени не могли и не хотели ни отстаивать эти новые

¹² Ленин 1919, 70.

¹³ О высказываниях Сталина по поводу учения о формациях ср. ниже, с. 153–155.

¹⁴ О переломе 1928–1930 гг. ср. Raskolnikoff 1975, 75–84; Die Geschichte des Altertums... 1980, 268–272; Lengauer 2000, 96–98.

¹⁵ Тюменев 1932, 33.

концепции, ни развивать их далее. Для этого требовалось новое поколение, которое и внутренне приняло бы эту новую линию. Шаг за шагом оно постепенно занимало руководящие должности в университетах и академиях.

Еще в 1922 г. Сталин стал генеральным секретарем ЦК РКП(б), однако лишь в 1924 г., после смерти Ленина, он смог взяться за систематическое укрепление своей власти. Развязанный им террор был направлен не только против врагов коммунизма, но ничуть не менее и против соперников в коммунистической среде. Террор этот достиг апогея в 1936–1938 гг., затронув широкие слои населения, в том числе и интеллигенцию. Во время Второй мировой войны этот внутренний фронт поначалу поутих, так как нужно было собрать воедино все силы против общего внешнего врага. Победоносное для Советского Союза завершение войны укрепило не только позиции Сталина, но и силы русского национализма. В 1948 г. это вылилось в кампанию, направленную в резкой форме против «космополитизма» и имевшую в виду евреев. Для многих ведущих историков-евреев это означало если и не гибель, то все же конец их карьеры¹⁶. Только со смертью Сталина в 1953 г. прекратилось его прямое вмешательство в науку, однако влияние его продолжалось и после этого¹⁷, пока Хрущев на XX съезде КПСС в 1956 г. не запустил процесс десталинизации.

2.2.1. Дискуссия об азиатском способе производства и советские исследования о древнем Востоке

При взгляде на развитие советской историографии рабства бросается в глаза как некая особенность то, сколь велик был вклад в нее специалистов по древнему Востоку. На Западе подобного и столь интенсивного участия востоковедов не было. Такое направление советских исследований по древнему Востоку, как и ставшее надолго общепринятым отнесение древневосточных обществ к рабовладельческой формации, объясняются определенной причиной: это дискуссия об азиатском способе производства и разрешение этого спора политическими методами. Ход, результаты и драматические последствия этого научного и в то же время политического столкновения представляют собой поучительный урок на тему судьбы науки в условиях диктатуры. Поэтому спор об азиатском способе производства следует изложить несколько подробнее, тем более учитывая его большое значение для советской историографии рабства в древности. И все же здесь речь может идти лишь о кратком наброске, так как проблема азиатского способа производства выводит на очень сложные взаимосвязи и не вмещается в тему данной статьи¹⁸.

¹⁶ Насколько подавленной чувствовала себя еврейская интеллигенция, описывают Е.В. Гутнова (2001, 258–280) и, еще более ясно, Я.С. Лурье (2004, 165–190).

¹⁷ Еще в начале 1950-х годов Сталин лично вмешался в спор по поводу когда-то чрезвычайно могущественного, однако со временем впавшего в немилость языковеда Н.Я. Марра (1864–1934). О Марре и его фантастической яфетической теории ср. Klejn 1997, 198–227; о прямом вмешательстве Сталина в эту дискуссию и о том, как это сказалось на изучении древней истории, см. Raskolnikoff 1975, 164 suiv.

¹⁸ Из обширной и выходящей за рамки отдельных специальностей литературы об азиатском способе производства достаточно будет привести лишь несколько названий, имеющих особое отношение к древней истории и в частности к проблеме азиатского способа производства в советской науке: Pečirka 1964, 147–169; 1967, 141–174; Raskolnikoff 1975, 92–97; HAS 2008, s.v. Produktionsweise, asiatische (I. Weiler). С точки зрения политических аспектов дискуссии, в особенности в ГДР, очень содержательна статья Florath 2005, 184–200.

Отправной точкой для выделения особой восточной общественной формации стало критическое изучение Марксом британского колониализма в Индии¹⁹. Дальнейшая разработка концепции привела его к идее о существовании азиатского докапиталистического способа производства, для которого характерны наличие обладающего абсолютной властью правителя и формально свободных, но, впрочем, находящихся под жестким контролем подданных, лишенных частной собственности²⁰. Поначалу под этим так называемым азиатским способом производства имелись в виду восточные деспотии Азии, однако затем это понятие было распространено на сходные традиционные, зачастую застойные формы власти в Африке и Америке. Такое крайне упрощенное изложение гораздо более сложно артикулированной, но так и не разработанной Марксом и Энгельсом в окончательной форме схемы приобрело особое значение в советских дискуссиях 1920–1930-х годов.

В условиях развития событий в Китае после революции младокитайцев в 1911 г. советское руководство начиная с 1920-х годов пыталось решающим образом повлиять на ход китайской революции. Представление, будто для Китая характерен азиатский способ производства и отсутствие сколь-нибудь значительной буржуазии, могло быть использовано для обоснования стратегии Троцкого, поскольку тот не видел никакого смысла в поддержке слабых буржуазных сил Китая и высказывался за проведение в Китае пролетарской революции в ходе общего наступления крестьян и рабочих. Напротив, Сталин считал, что для таких совместных действий предпосылок нет, и требовал, чтобы компартия Китая заключила союз с буржуазным Гоминьданом (Национальной народной партией) Чан Кайши, чтобы с помощью буржуазно-демократической революции свергнуть феодальный режим и наживавшихся с его помощью иностранцев. Стратегия Сталина основывалась на соображении, что Китай сначала должен пройти буржуазную фазу, чтобы создались условия для пролетарской революции и перехода к социализму. Вопрос о том, характерен ли в настоящее время для Китая главным образом азиатский способ производства или феодализм, оказался, таким образом, связан с актуальной внешнеполитической проблемой и борьбой за власть между Сталиным и Троцким, а после его поражения в 1927 г. – с остатками левой оппозиции в СССР. До тех пор пока спор не разрешился на уровне руководства страны, у ученых, принимавших участие в дискуссии, оставалось пространство свободы для оценки существовавших в истории структур и хода событий²¹.

В ходе этих дискуссий речь заходила и об истории древнего Востока, прежде всего великих речных культур Египта и Месопотамии. Длительные и весьма ожесточенные споры завершились тем, что решающее слово сказал Сталин: было отвергнуто существование отдельного азиатского способа производства и ужесточена существующая схема смены формаций, т.е. однолинейная, общеобязательная последовательность антагонистических классовых обществ от рабовладельческого строя в древности через феодализм и капитализм к конечной цели социалистического бесклассового общества²². Внедрение этой схемы как достижения науки и

¹⁹ О разработке концепции особого азиатского, или восточного, способа производства у Маркса и Энгельса см. Nippel 2005, 177–181.

²⁰ Отсюда также обозначение таких форм власти понятием «азиатская деспотия», которое нередко использовалось по отношению к аристократии, состоявшей на службе у правителя.

²¹ Об этом см. весьма содержательную статью В.В. Дементьевой (Dementieva 2005, 160–167). См. Дементьева 2003, 18–27.

²² О позиции Сталина в дискуссии об азиатском способе производства см. Wittfogel 1962, 498–512. Подробнее об ужесточении схемы смены формаций см. ниже, с. 153–155.

политической теории задушило всякие дальнейшие обсуждения азиатского способа производства. К тому же критическое рассмотрение способа производства, характеризующегося абсолютной властью правителя, или государства, и тотальным контролем за населением, определенно могло навести на опасные размышления о характере советского государства, роли Сталина и широкомасштабном вытеснении свободных производителей²³. Приверженцы концепции длительного существования отдельного азиатского способа производства стали жертвами репрессий 1936–1938 гг., а некоторые выдающиеся ее сторонники были казнены²⁴.

Перед профессиональными историками тем не менее по-прежнему стояла задача включить выделенные Марксом и Энгельсом восточные деспотии в ставшую отныне всемирно-исторической схему смены формаций. В этом более ограниченном, чисто академическом поле дискуссия продолжилась и привела к предложению различных решений. В частности, для древнего Востока встал вопрос, следует ли рассматривать существовавшие там общества как стадию разложения первобытного родового строя, как часть рабовладельческого строя или же как некую форму феодализма. В конце концов утвердилась точка зрения влиятельного академика В.В. Струве, согласно которой древневосточное общество следовало считать составной частью рабовладельческого строя, охватывавшего Средиземноморье и Восток от Леванта до Китая²⁵. Не все востоковеды дали себя в этом убедить; наиболее отважные осмеливались на критические замечания и требовали учитывать нюансы – разумеется, только при соблюдении политически необходимой осмотрительности. Проблема продолжала существовать, чаще всего подспудно, и впоследствии снова должна была стать предметом бурных дискуссий²⁶.

Однако магистральная линия после решающего слова Сталина была проложена, и это побудило целое поколение советских востоковедов в дальнейшем очень интенсивно заниматься ролью рабства в различных обществах древнего Востока. Предварительные результаты этих усилий представлены в первых двух томах 10-томной «Всемирной истории», изданной АН СССР²⁷. Это начинание – памятник советской историографии и в то же время попытка научно обосновать и изложить ход всемирной истории в соответствии с учением о формациях. Первый том этого монументального повествования (вышедшего тиражом 100 тыс. экземпляров) демонстрирует разложение первобытного общества и становление рабовладельческого строя в мировом масштабе: в Средиземноморье, на Востоке от Египта и Ближнего Востока до Индии и Китая. Этот первый том также представляет собой памятник сталинской эпохи. Он вышел в 1955 г., еще до начавшейся после XX съезда КПСС десталинизации. Введение к тому еще оснащено цитатой из Сталина²⁸, его имя еще стоит в ряду классиков марксизма-ленинизма во главе списка основной использованной литературы²⁹. Во втором томе «Всемирной истории» излагается развитие и крушение рабовладельческого строя во всем мире,

²³ Ср. Wittfogel 1962, 542–547.

²⁴ Ср. Dementieva 2005, 169; Florath 2005, 188.

²⁵ Ср. Струве 1934; 1941. О жизни и творчестве В.В. Струве ср. Большаков 2000, 41–52; особ. 48 сл. (о дискуссии об азиатском способе производства). В этой связи гораздо резче судит о Струве Я.С. Лурье (2004, 130–132, *passim*: см. именной указатель).

²⁶ Подробнее ср. Pečirka 1964; 1967.

²⁷ Тома 1–10 «Всемирной истории» (М., 1955–1965) вышли в переводе на немецкий язык: *Weltgeschichte in zehn Bänden*. Б., 1961–1969.

²⁸ Всемирная история 1955, 1, XXII.

²⁹ Всемирная история 1955, 1, 697.

но с основным упором на греко-римскую античность. Рукопись тома, вышедшего в 1956 г., была сдана еще в сентябре 1955 г., однако отправлена в печать лишь в сентябре 1956 г.³⁰ В промежутке состоялся XX съезд партии. Имя Сталина исчезло из введения ко второму тому, не стоит оно больше и в библиографии классиков марксизма-ленинизма. Однако несмотря на политические «подчистки» и этот том остается плодом сталинской эпохи и свидетельством усилий и достижений целого поколения советских историков, компромиссов, на которые они шли, и давления, которое они испытывали.

После Второй мировой войны началась новая фаза «великой дискуссии» об общественно-экономических формациях на Востоке. Импульсы к этому исходили с разных сторон, но самый мощный, пожалуй, от Карла Августа Виттфогеля (1896–1988), книга которого «Восточный деспотизм. Сравнительное исследование тоталитарной власти» вышла в 1957 г.³¹ Виттфогель, немецкий синолог, еще в ранние годы обратился к марксизму и сравнительному изучению Востока доколониальной эпохи. Естественно, он принимал живое участие в дискуссиях 1920–1930-х годов об азиатском способе производства. Однако он не только вступил в конфликт с официальной советской линией, но и угодил в Германии за свои марксистские убеждения в концлагерь и в конце концов добрался до США. Пережитый опыт сделал из него воинствующего противника любых тоталитарных форм государственной власти. В книге о восточном деспотизме он призывал к защите свободы с оружием в руках и к борьбе против советской системы³². Снова спор об азиатском способе производства велся исходя из политических предпосылок. С советской стороны Виттфогеля категорически отвергли как ренегата, однако проблема тем самым решена не была, ибо, как и прежде, или, точнее, снова и снова требовали объяснений концепция восточной деспотии у Маркса и то, как он структурировал докапиталистические общества³³.

В атмосфере оживления после XX съезда в 1956 г. началось и осторожное расшатывание незыблемого учения о формациях. Открылась возможность для новой, более открытой дискуссии об азиатском способе производства, однако уже в конце 1960-х годов эта свобода опять была ограничена отчетливыми рамками³⁴. Напротив, в других странах Варшавского договора и тем более среди западноевропейских левых дискуссия об азиатском способе производства велась более открыто.

Хотя из-за политического давления советские востоковеды в ней не участвовали или не могли участвовать свободно и без оглядки, они старались пользоваться свободой маневра, которую приоткрыла для них десталинизация и некоторое смягчение формационной схемы. На этой основе советские исследования рабства на древнем Востоке развивались в более свободной обстановке, однако преимущественно в тесной связи с концепцией рабовладельческого способа производства. Эта линия по существу продержалась вплоть до перестройки и нашла среди прочего выражение в коллективном труде – новой масштабной «Истории

³⁰ См. выходные данные в конце первого тома.

³¹ Wittfogel 1962.

³² Wittfogel 1962, 553 f., со ссылкой на *Hdt.* VII. 135 и борьбу греков против персов.

³³ В 1939 и 1941 гг. в Москве были впервые опубликованы записи К. Маркса о «Формах, предшествующих капиталистическому производству» (*Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf) 1857–1858. Anhang, 1850–1859. 2 Teile. Moskau, 1939, 1941*). В этом наброске Маркс прямо говорит об «основных азиатских формах» и восточном деспотизме (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 463–464*).

³⁴ Ср. Гутнова 2001, 291 сл.

древнего Востока», вышедшей в 1983–1988 гг.³⁵ Во введении к этому изданию не только подчеркивается, что «несмотря на известные расхождения во мнениях, авторы являются научными единомышленниками в основном и главном – все они руководствуются теорией исторического материализма»³⁶, но также подробно и со ссылкой на авторитет В.В. Струве³⁷ объясняется, почему общества древнего Востока следует относить к рабовладельческой социально-экономической формации. Иначе говоря, сложившаяся в 1930-е годы теория формаций продолжала действовать на протяжении полувека, до конца Советского Союза. Сколь бы критически ни оценивать эту схему со стороны или задним числом, все же она способствовала выявлению совершенно очевидных и бесспорно важнейших связей между древними культурами Средиземноморья и древнего Востока и поставила изучение рабства на необходимую всемирно-историческую основу³⁸.

В частности, И.М. Дьяконов в свое время настойчиво указывал на типологические связи между рабовладельческими обществами древнего Востока и античного Средиземноморья. Он различал по сути две формы рабства: патриархальное и так называемое классическое. Обе формы можно обнаружить как на древнем Востоке, так и в античности, и это, с его точки зрения, оправдывает отнесение и древневосточной и греко-римской эпохи к единой рабовладельческой формации³⁹.

2.2.2. Сталинские директивы и их проведение в жизнь

По уровню образования Сталин уступал Марксу, Энгельсу или Ленину, но слово его было законом, в том числе и в научных делах. Так, 19 февраля 1933 г. на съезде колхозников-ударников он провозгласил: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами. При рабстве “закон” разрешал рабовладельцам убивать рабов. При крепостных порядках “закон” разрешал крепостникам “только” продавать крепостных»⁴⁰. Тем самым было заявлено, что рабовладельческий строй Римской империи обрушился в результате революции рабов. Советским историкам, как мы увидим, пришлось немало поломать голову над обнаружением этой революции⁴¹. Одновременно с уничтожением действительных или предполагаемых противников Сталина в ходе репрессий в годы террора (1936–1938) происходило укрепление коммунистической ортодоксии сталинского образа. Проявлением этой догматизации стал

³⁵ История древнего Востока... 1983–1988.

³⁶ История древнего Востока... 1983, 1, 25.

³⁷ История древнего Востока... 1983, 1, 19 сл.; там же определенно отвергаются представления о феодализме или об азиатском способе производства на древнем Востоке.

³⁸ Рассматривать подробно советские работы по древневосточному рабству здесь я не могу, так как это выйдет за рамки данной статьи. Для примера сошлюсь только на одну из ранних работ авторитетного советского востоковеда И.М. Дьяконова (1956) и на книгу М.А. Дандамаева (1974). Для первоначальной ориентации в материале полезны статьи М.А. Коростовцева (Korostovcev 1980, 19–45) и В.А. Якобсона (Jakobson 1980, 46–68).

³⁹ Ср. Дьяконов 1973, 3–29.

⁴⁰ Сталин 1933, 239.

⁴¹ См. ниже, с. 157–161. Лишь в ходе десталинизации после 1956 г. произошел отказ от вызванной к жизни Сталиным «революции рабов» при переходе от античности к средневековью. Об обстановке дискуссий в 1956–1960-х годах см. Гутнова 2001, 290–293, особ. 291 о «революции рабов».

опубликованный впервые в 1938 г. «Краткий курс истории ВКП(б)»⁴². Главу IV этого советского «катехизиса» приписывают самому Сталину. Она озаглавлена «Меньшевики и большевики в период столыпинской реакции. Оформление большевиков в самостоятельную марксистскую партию (1908–1912 годы)». Во втором ее разделе разбирается вопрос «О диалектическом и историческом материализме». В этой связи рассматриваются также и основные социально-экономические типы, так называемые формации. Их характер и последовательность смены определены и установлены в общеобязательном порядке. Эти формулировки на десятилетия, вплоть до смерти Сталина в 1953 г. и даже до 1956 г., служили единственно верной основой всех работ по истории в Советском Союзе, поэтому их необходимо привести здесь хотя бы в виде отдельных цитат⁴³.

Истории известны пять *основных* типов производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический.

При первобытно-общинном строе основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства... Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплуатации, нет классов.

При рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства – раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину. Такие производственные отношения в основном соответствуют состоянию производительных сил в этот период...

Богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые, полноправные и бесправные, жестокая классовая борьба между ними – такова картина рабовладельческого строя.

При феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства, – крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить...

При капиталистическом строе основой производственных отношений является капиталистическая собственность на средства производства при отсутствии собственности на работников производства, – наемных рабочих, которых капиталист не может ни убить, ни продать, ибо они свободны от личной зависимости, но которые лишены средств производства и, чтобы не умереть с голоду, вынуждены продавать свою рабочую силу капиталисту и нести на шею ярмо эксплуатации.

При социалистическом строе, который осуществлен пока что только в СССР, основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Здесь уже нет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых. Произведенные продукты распределяются по труду согласно принципа: «кто не работает, тот не ест».

Здесь не место обсуждать данную концепцию всемирной истории и лежащую в ее основе философию. Она представляет ход истории в виде восходящей линии, через революционные сдвиги ведущей к завоеванию угнетенными классами все

⁴² О характере этого произведения и его воздействии ср. краткий разбор Raskolnikoff 1975, 157–161, а также цитируемые ниже (с. 169) соображения Е.В. Гутновой.

⁴³ История ВКП(б) 1946, 119–122. Приведенный последним отрывок завершается цитатой: «Кто не работает, тот не ест». Я благодарен коллеге Эриху Кеттенхофену за напоминание о том, что речь идет о почти буквальной цитате из Нового завета (2 Thess. 3. 10: «Кто не работает, тот да не ест») и приведенную им ссылку на Trilling 1980, 148–150. Во всяком случае, библейская цитата до включения в сталинский «катехизис» проделала большой и интересный путь.

большей свободы вплоть до окончательного самоосвобождения при переходе от капитализма к социализму. Диалектика такого прогресса лежала в основе советской историографии и после смерти Сталина, а свой нормативный характер сохраняла до самой перестройки. В этих идеологически установленных и политически обязательных рамках развивалась советская наука. Лучшие ее силы стремились отвоевывать все больше свободы и ослаблять оковы догмы, не имея возможности или желания действительно ставить под сомнение основные положения исторического материализма и марксизма-ленинизма.

2.3. ОТ ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ ДО КОНЦА СССР (1956–1991)

Политические координаты стали изменяться после смерти Сталина в 1953 г. и особенно в связи с запущенным Хрущевым на XX съезде КПСС в 1956 г. процессом десталинизации. Хотя этот партсъезд дал начало временной оттепели, он все же не означал никаких решающих идеологических послаблений. Более того, новое руководство стремилось вернуться к марксистско-ленинским идеалам. В конце 1960-х годов идеологическая опека снова усилилась⁴⁴. Обозначился конец эпохи оживления. Настоящего прорыва не произошло. Настроения, царившие до и после десталинизации, описывает в своей замечательно откровенной автобиографии московский медиевист, убежденная марксистка Е.В. Гутнова⁴⁵:

А сколько было других, о которых мы не знали, которые проходили свой крестный путь безмолвно и безвестно... Обо всем этом полагалось молчать, иначе могло быть худо. И все молчали, молчали двадцать лет, пока в 1956 году Н.С. Хрущев не снял это заклятие, а потом еще тридцать лет, пока оно не было, наконец, окончательно сброшено. И все эти пятьдесят шесть лет мы жили в страхе. Страх раз и навсегда поселился в наших сердцах, сковал наши души, наложил печать на наши уста. И даже когда аресты затихли или совсем прекратились, он сидел в нас, превращая в рабов, вселяя недоверие друг к другу⁴⁶.

Начавшееся при Хрущеве переосмысление социалистического курса стало и для историков сигналом к тому, чтобы вдохнуть новую жизнь в их концепции. Это привело к активизации изучения форм классовой борьбы и характеризующихся соответствующими противоречиями формаций. Исследования рабовладельческого способа производства теперь велись с новой свежей энергией и в 1960 г. стали программой семилетнего плана, который в основном был выполнен. Однако в конце 1970-х годов без видимых внешних причин или заметных политических событий этот подъем пошел на убыль. Начавшаяся в середине 1980-х годов перестройка и последовавшие за ней политические и культурные перемены 1990-х годов привели к полному прекращению советских и постсоветских исследований рабства. Так почти бесшумно сошло на нет направление науки, которое начало переживать упадок еще до того, как прекратил свое существование СССР.

Чтобы понять наметившийся уже в конце 1970-х годов упадок исследований рабства в СССР, недостаточно принимать во внимание лишь развитие советской историографии или даже одной древней истории. Неуклонный спад советских исследований рабства и воспрепятствование развитию собственного творческого потенциала происходили в общем климате, царящем в стране, и были выражением

⁴⁴ Об общем контексте см. Hösler 1995; с личной и профессиональной точки зрения изменения обстановки описывает Гутнова 2001, 292 сл.

⁴⁵ См. выдержки из ее автобиографии, цитированные ниже (с. 169), а также прим. 50.

⁴⁶ Гутнова 2001, 176.

медленного умирания марксистско-ленинской системы⁴⁷. Этот период «застоя» нередко описывали и анализировали. Е.В. Гутнова в своей автобиографии сделала это с точки зрения советского историка:

...с начала семидесятых годов, когда мысль натывалась на эту путаницу, возникало явное ощущение какого-то неблагополучия, грядущего развала, духовного оскудения, морального падения. Казалось бы, после эксцессов конца тридцатых годов падать было некуда, но годы войны и первые послевоенные вспыхнули еще последним светом каких-то высоких идей, подбросили хвороста в догорающий костер, он снова вспыхнул слабым огнем после XX съезда, а теперь только тлеет, подергиваясь серым пеплом забвения, безнадёжности и равнодушия. Это было горькое ощущение, от которого хотелось избавиться, забыться в тиши библиотеки, в научных диспутах, в шуме семейных праздников...⁴⁸

Это был бесславный конец некогда прекрасной мечты и, несмотря ни на что, нас начинало мучить горькое сознание, что от мечты остались только бесполезные и даже вредные оболочки. Когда же завершится это медленное угасание, было пока неясно. Иногда казалось, что никогда, иногда же приходило ясное ощущение, что долго так продолжаться не может. Часто мелькала мысль: мы истощаем терпение мира и бога. Когда-то на нашу страну должно пасть воздаяние за потоки пролитой крови, жестокие насилия, всенародный обман⁴⁹.

В этих строках чувствуется полное отчаяние когда-то восторженной и все еще убежденной сторонницы марксизма⁵⁰. Упадок Советского Союза и марксизма-ленинизма Гутнова переживала и описывала глубоко, трагически, в том духе, который уходит своими корнями в религиозные и литературные настроения России и в то же время может объяснить притягательность марксистского мифа о всемирном освобождении именно в этой стране.

В этом обзоре политических условий и основных научных направлений обозначены рамки, внутри которых теперь следует рассмотреть более подробно историографию рабства. Ведь до сих пор мы мало слышали о людях, которые вели эти исследования, об их методах и достигнутых ими результатах.

3. Советские исследования античного рабства

3.1. ОТ НАЧАЛА ДО СЕМИЛЕТНЕГО ПЛАНА

«ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИИ РАБСТВА В АНТИЧНОМ МИРЕ» (1918–1960)

После ряда попыток, делавшихся на ощупь, настоящие марксистско-ленинские исследования по древней истории стали медленно появляться лишь в 1930-е годы. Хотя опубликованная в 1929 г. лекция Ленина «О государстве», провозгласив учение о формациях, предопределила отнесение античного общества к рабовладельческому строю, соответствующий перенос этой теории в исследования по древней истории заставил себя ждать⁵¹. В то время как дискуссии об общественных формациях уже вовсю шли с начала 1930-х годов, ленинградский историк-антиковед А.И. Тюменев еще в 1932 г. заявлял, что все советские работы по древней истории,

⁴⁷ Ср. рассказ Е.В. Гутновой об обвинении Е.М. Штаерман в «опасной» приверженности структурализму (Гутнова 2001, 344 сл.). Подробнее об этом см. ниже, с. 167 и 168, прим. 103. Об общем контексте ср. Hösler 1995, 163–217 (Die sowjetische Geschichtswissenschaft 1970 bis 1986: Routine und Retardation).

⁴⁸ Гутнова 2001, 393.

⁴⁹ Гутнова 2001, 394.

⁵⁰ Признания в приверженности марксизму: Гутнова 2001, 331, 426 сл. и passim.

⁵¹ Общий очерк: Raskolnikoff 1975, 25–73 (De 1917 à 1930).

и в том числе его собственные, не стояли еще на должной марксистско-ленинской высоте: «Основной вопрос об античном обществе как определенной формации, развивающейся по своим особым законам и занимающей свое определенное место в ряду других прогрессивных общественных формаций», в работах предшествующих лет не только не решался, но и не ставился⁵². Сразу же была предпринята попытка закрыть этот пробел, всецело сконцентрировавшись на классовой борьбе в античности. Уже в начале 1933 г. вышла работа С.И. Ковалева, в которой он, правда, пришел к выводу, что победа рабов означала бы шаг назад, а их восстания не вели к ликвидации рабовладельцев⁵³. Написанная в таком же духе брошюра молодого аспиранта Ковалева – Л.Л. Ракова – находилась уже в печати, когда автора ночью 20 февраля 1933 г. разбудили телефонным звонком и предложили наутро явиться в ГАИМК. Там его поставили в известность о том, что Сталин в докладе на съезде колхозников-ударников (см. выше, с. 153) заявил, что революция рабов подготавливала падение рабовладельческого строя. Тираж книги тут же был задержан. Последняя страница, где отрицалось существование революции рабов, была вырвана и заменена новой. Во всяком случае так рассказывает о происходившем Я.С. Лурье, знаток закулисных связей и обстоятельств⁵⁴.

Исторически «обосновать» спонтанное высказывание Сталина взялся учитель Ракова – С.И. Ковалев: он сразу же засел за работу и написал статью, в которой представил восстания рабов и классовые противоречия со II в. до н.э. до V в. н.э. как стадии единой великой революции, от которой в конце концов погибла

⁵² Тюменев 1932, 33. О работах и роли А.И. Тюменева ср. Raskolnikoff 1975, 46–52.

⁵³ Ковалев 1933а, 31 сл.; цит. по: Лурье 2004, 133.

⁵⁴ Лурье 2004, 133 сл. ссылается на устные высказывания самого Л.Л. Ракова. Его брошюра озаглавлена «К проблеме разложения рабовладельческой формации» (Раков 1933). М. Раскольников пересказывает тезисы Ракова совершенно нейтрально (Raskolnikoff 1975, 123–131), без иронии Лурье и, конечно, без его осведомленности о подоплеке событий, которая впервые стала известна именно из его биографии «История одной жизни» (1-е изд. Р., 1987; 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2004). Согласно Лурье, последняя страница упомянутой брошюры Ракова, на которой отрицалось существование революции рабов при переходе от античности к средневековью (с. 49–50 печатного издания), была вырвана и заменена другой, подклеенной страницей (Лурье 2004, 134, прим. 44). На с. 49–50 имеющейся у меня копии с экземпляра брошюры из Прусской государственной библиотеки не содержится никаких высказываний о революции рабов, ни признающих, ни отрицающих ее существование. Нет там и ссылок на выступление Сталина о том, что революция рабов привела к падению рабовладельческого строя. Удивительно, что Рубинзон, воспроизводя рассказ Лурье, пишет, что при изъятии страниц речь шла о с. 22–25 брошюры Ракова (Rubinson 1993, 157, Anm. 39). Ссылается он при этом на первое издание биографии (*Копржива-Лурье Б.Я. История одной жизни. Paris, 1987. С. 143*). Однако и в этом первом издании в прим. 1 на с. 144 говорится об удалении не с. 22–25, а с. 49–50. Текст первого издания (с. 143 сл.) в этом пункте в точности соответствует тексту второго (Лурье 2004, 133 сл.). Таким образом, Рубинзон, совершенно очевидно, изменил данные Лурье о вырванных страницах по собственной инициативе. Зачем же? Вероятно, из-за того, что на с. 22–25 брошюры Ракова говорится как раз о восстаниях рабов, а чуть дальше – о переходе к средневековью. Правда, речь идет об известных рабских восстаниях II–I вв. до н.э. О революции рабов при переходе от античности к средневековью Раков и в этом месте ничего не говорит. Все-таки, в отличие от Рубинзона, сопоставлять с. 22–25 с вырванными страницами не следует.

Эту связанную с текстом проблему необходимо было разобрать здесь несколько подробнее, в первую очередь, потому что утверждения Рубинзона расходятся с изданием Лурье, но главным образом потому, что в последующее время позднеантичная «революция рабов» вплоть до начала десталинизации играла ключевую роль в советской концепции истории.

Римская империя вместе с рабовладельческим обществом. Его работа заканчивалась следующей новой оценкой и цитатой из Сталина:

Каково было историческое значение революции рабов? Обычно гибель античного мира рассматривают как величайшую культурную катастрофу, как шаг назад...

Как всякий социальный переворот, революция рабов сопровождалась глубочайшим распадом старых общественных связей и огромными разрушениями старых культурных ценностей. Но этот факт не должен скрывать от нас другого, еще более важного факта: прогрессивности в общеисторическом масштабе перехода от рабовладельческого общества к феодальному. Это последнее было выше античного, потому что оно давало больше возможностей развития производительных сил: в рамках феодального общества созрел капиталистический способ производства. Вот почему революция рабов, как всякая социальная революция, была явлением прогрессивным. «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся» (Сталин)⁵⁵.

Было ясно, что после такого поворота понятие революции нуждалось в новом определении⁵⁶. Двигаясь по этому пути, советская наука пришла к концепции «социальной революции», которая, пройдя несколько фаз от восстаний рабов в Римской республике до колоната Поздней Римской империи, привела к крушению рабовладельческого государства. Здесь невозможно описать подробно ход этих исследований и сопровождавшие их споры внутри советской историографии. После 1956 г. порожденная Сталиным «революция рабов» была отвергнута, но все же более чем за двадцать лет со времени его выступления в 1933 г. сложилось целое направление исследований, которое привело к весьма изощренной интерпретации перехода от античности к средневековью и сохранило свое влияние после десталинизации. Наиболее значительный вклад в разработку этой проблематики внесла Е.М. Штаерман. Ее докторская диссертация «Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи», представленная и успешно защищенная в 1956 г., в год XX съезда партии, в 1957 г. была издана как монография, а в 1964 г. вышла в переводе на немецкий язык⁵⁷. Если помнить, что рукопись этой книги создавалась до десталинизации, можно только приветствовать то, какой простор для интерпретаций приобрела советская историография античности со времени сталинского изречения. Напротив, если рассматривать результат исключительно с внешней, немарксистской точки зрения, то включенность идей Штаерман в марксистско-ленинскую схему окажется как раз слабой стороной этой книги⁵⁸. Давая оценку с сегодняшних позиций, нельзя упускать из виду, что Е.М. Штаерман принадлежала к наиболее творческим и самобытным фигурам советской историографии античности, тем более что теперь благодаря новым свидетельствам становится гораздо лучше известно, какому давлению и каким ограничениям подвергалась ее работа⁵⁹.

Забежав по необходимости вперед, чтобы увидеть далеко идущие последствия сталинского высказывания о «революции рабов», вернемся теперь в 1930-е

⁵⁵ Ковалев 1933b, 354.

⁵⁶ Об этом см. Raskolnikoff 1975, 126–131 (*La révolution sociale dans la société antique*); *Die Geschichte des Altertums...* 1980, 268–297; Rubinsohn 1993, 72–76.

⁵⁷ Штаерман 1957.

⁵⁸ Ср. обстоятельную и весьма критическую рецензию Ф. Кихле (*Gnomon*. 1965. 37. S. 281–289). О советской и находящейся под ее влиянием историографии кризиса и падения Римской империи см. Demandt 1984, 316–364, особ. 320–324 о Е.М. Штаерман.

⁵⁹ Об этом см. приведенное ниже (с. 167) свидетельство ее дочери.

годы, когда прокладывались пути и вырабатывалась марксистско-ленинская ортодоксия.

Провозглашение Сталиным «революции рабов» и попытку Ковалева обосновать ее легко можно было бы попытаться представить в виде трагедии или комедии. Вероятно, что-то там было и от одного и от другого, но для Ковалева наверняка дело обстояло иначе. Как убежденный коммунист он был внутренне совершенно готов признавать обязательными для себя и своей специальности положения, сформулированные не только Марксом и Энгельсом, но и Лениным и Сталиным. Если я правильно понимаю, он воспринимал превращение марксистско-ленинского учения в систему догм как необходимый созидательный процесс, в котором он, занимаясь наукой и преподаванием, участвовал, иногда отказываясь от существовавшего у него прежде собственного мнения. Ковалев – типичный пример искренне верующего марксиста, рассматривавшего победу своей идеологии и укрепление власти коммунистов со всеми сопутствующими успехами и провалами как совершенно личный и с готовностью принимаемый жизненный путь и как вызов, на который он отвечал снова и снова. Эта готовность к развитию и пересмотру своих взглядов в соответствии с линией партии позволили Ковалеву за годы долгой преподавательской деятельности в Ленинградском университете (с 1934 по 1958 г.) превратиться в тип профессора, очевидно, очень убедительно воздействовавшего на аудиторию в духе советского коммунизма⁶⁰.

Только так можно понять признание достоинств Ковалева со стороны Э.Д. Фролова, его бывшего ученика, а ныне заведующего кафедрой истории древней Греции и Рима в Санкт-Петербургском университете. В опубликованном в 1999 г. изложении истории русской науки об античности Фролов не раз говорит о давлении, даже терроре советской системы⁶¹. На этом фоне Ковалеву он посвящает следующие строки:

...скажу со всей откровенностью: С.И. Ковалев был первым из университетских наставников, кто ввел меня в высокий мир науки, и потому он стал для меня фигурой символической в лучшем смысле слова. Пусть другие говорят о мрачных сторонах советской действительности, об идеологической ангажированности и упадке образования и науки, об ученых служителях режима, втиснувших историю в Прокрустово ложе марксистской догмы. Для меня университет и тогда был подлинным храмом науки, и среди служивших там науке я без всякого стеснения первым назову замечательного профессора древней истории, искренне увлекавшегося новой доктриной, но сохранявшего высокие культурные традиции русской интеллигенции Сергея Ивановича Ковалева⁶².

Легко можно привести другие примеры такого рода, но лучше ограничиться этим. Данная Фроловым оценка объясняется, с одной стороны, отношением учитель – ученик, но все же главным образом его глубокой уверенностью в том, что «марксистская социологическая философия была и остается одним из самых высоких духовных достижений XIX века»⁶³. Это убеждение Фролов разделял еще в 1999 г., через много лет после перестройки, и в этом он не одинок.

⁶⁰ Фролов 1999, 431, в посвященной С.И. Ковалеву (1886–1960) главе (с. 427–452).

⁶¹ Например, Фролов 1999, 457 и 481.

⁶² Фролов 1999, 451 сл.

⁶³ Фролов 1999, 429. О противоречиях в оценке Ковалева у Фролова см. также: Гаврилов 2003, 358 сл.

Для рассмотрения состояния дискуссии в 1930-е годы и учения о рабовладельческом строе перенесемся теперь из Ленинграда в Москву, от С.И. Ковалева к В.С. Сергееву, который с момента открытия исторического факультета МГУ в 1934 г.⁶⁴ до своей смерти в 1941 г. возглавлял там кафедру истории древнего мира. Как Ковалев в Ленинграде, так Сергеев в Московском университете внедрял в организацию преподавания и научной работы марксистско-ленинскую концепцию истории. Задача, стоявшая перед Сергеевым и его сотрудниками, с марксистской точки зрения характеризуется следующим образом:

Одной из главных задач коллектива только что открытой кафедры была разработка программы и общего курса по истории древней Греции как части общей программы и курса по истории античного общества, а также создание учебника по истории древней Греции. Создание отвечающих новым требованиям учебников для высшей школы, сочетающих глубокую проработку фактического материала с его интерпретацией на основе марксистско-ленинского мировоззрения, было непростой задачей⁶⁵.

Среди многих работ Сергеева наибольшее влияние имела, конечно, его «История древней Греции». Впервые она была опубликована еще в 1934 г. Переработанное издание вышло в 1939 г., а затем после смерти автора в 1948 г.⁶⁶ Я хотел бы привести один отрывок из этого последнего издания, весьма характерный для учения о рабовладельческом строе и его необходимой роли в закономерном ходе исторического процесса. Он находится в конце главы о восстаниях рабов в Греции и принадлежит перу коллеги Сергеева – А.В. Мишулина, московского историка, рабтавшего среди прочего над историей восстания Спартака⁶⁷. Цитата гласит:

Все восстания рабов в Греции, как правило, терпели поражение. Объяснение этому факту надо искать в закономерностях развития рабовладельческого общества. Рабовладельческий способ производства сохранял еще свое значение в средиземноморском мире. Не было еще объективных условий для изменения существовавших общественных отношений. Рабы не были носителями нового, прогрессивного способа производства, и борьба их с рабовладельцами, равно как и выступления свободной бедноты, обречена была на неудачу. Однако в период разложения рабовладельческих порядков и перехода к феодальной формации восстания рабов и бедноты сыграли большую революционную роль⁶⁸.

Данная цитата не только представляет собой квинтэссенцию господствовавшего в то время учения, претендовавшего на то, что оно научным образом выявило закономерности исторического процесса, но и демонстрирует непреклонность формационной теории, догматически и хладнокровно констатирующей поражение восставших. При всей официально провозглашаемой солидарности с угнетенными слоями во всемирной истории теория формаций в конечном счете усматривает в рабовладельцах исторически необходимый класс, который, эксплуатируя рабов,

⁶⁴ Об экспериментах после Октябрьской революции, преобразованиях в сфере исторической науки и об открытии исторических факультетов в Московском и Ленинградском университетах см. с советской точки зрения: Историческая наука... 1984, 3–5. О вновь открывшихся исторических факультетах см. также: Raskolnikoff 1975, 107–109.

⁶⁵ Историческая наука... 1984, 243 (В.И. Кузищин). Таким же оказалось положение дел с историей Рима (Там же. С. 251).

⁶⁶ Сергеев 1948.

⁶⁷ Ср. его масштабное исследование: Мишулин, 1936. После Второй мировой войны из-под пера Мишулина вышел научно-популярный очерк, в 1952 г. опубликованный в переводе на немецкий язык (Мишулин 1947).

⁶⁸ Сергеев 1948, 366. Глава XVI «Восстания рабов и бедноты» (с. 356–366) целиком написана Мишулиным.

двигал историческое развитие вперед по пути, ведущему к окончательной победе коммунизма.

В результате такой подход напоминает встречающееся в так называемой буржуазной историографии утверждение, будто античное рабство было неизбежным злом, необходимым для достижения высот античной культуры. Хотя советские марксисты и представители упомянутого направления «буржуазной» историографии исходили из совершенно разных посылок, все же их объединяет общее допущение, что высокая культура античности и соответственно исторический прогресс (в однолинейной версии учения о формациях) не могли быть достигнуты без жертв, в данном случае рабов.

Лишь тонкая, нередко переступаемая грань отделяет при этом понимание причинно-следственных связей исторических изменений от признания их неизбежности и в конечном счете от их оправдания. Подобный детерминизм с трудом допускает возражения этического порядка. Чтобы не слишком отвлекаться здесь от советской историографии рабства, ниже для сопоставления приводятся два типичных текста на тему рабства как «неизбежного зла»: отрывок из «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса и цитата из текста Й. Фогта, относящегося к периоду становления Майнцского академического проекта исследований по античному рабству (FAS). Мне кажется важным привести полностью эти довольно длинные цитаты не только для большего удобства, но и потому что текст Энгельса принадлежит к каноническим произведениям советского марксизма и существенным образом повлиял на рассматриваемые в данной статье исследования по древней истории. Цитата из Фогта может прояснить, какие зацепки и поводы для нападок давал он, и не только советским историкам⁶⁹. Чтобы исчерпывающим образом показать значение обоих цитированных отрывков, нужно было бы, разумеется, углубиться в обстановку времени написания того и другого и привлечь для сравнения и выявления нюансов еще и другие тексты. Здесь же можно лишь наметить проблему, чтобы поставить в более широкий контекст высказывания Мишулина.

Обратимся же теперь к состоянию исследований античного рабства до и после Второй мировой войны.

С той основополагающей ролью, которая отводится рабству в «Истории древней Греции» Сергеева и в других работах историков его поколения, удивительным образом контрастирует малое число советских исследований, посвященных собственно античному рабству. В пространной библиографии учебника Сергеева (с. 485 сл.) перечисляются лишь иностранные сочинения по истории рабства (например, А. Валлона, К. Бюхера и Эд. Мейера); исключение составляет одна-единственная советская работа, 32-страничная брошюра А.В. Мишулина (1932). К моменту посмертного издания «Истории древней Греции» Сергеева в 1948 г. со времени Октябрьской революции прошло больше тридцати лет, а ни одной советской книги о греческом рабстве так и не появилось. Глава Мишулина в «Истории древней Греции» Сергеева вообще первая, посвященная в советском учебнике восстаниям рабов⁷⁰.

⁶⁹ Подробнее ср. Deissler 2010, 77–93 и Herrmann-Otto 2010, 61–75, а также общую оценку: Christ 1990, 63–124 (Joseph Vogt), где на с. 115 сл. находится приведенная мною в данной статье цитата. О том, какой отклик вызвали взгляды Фогта в советских исследованиях, см. Maximova 2001, 3–10.

⁷⁰ Сергеев 1948, 356–366. Написанная Мишулиным глава «Восстания рабов и бедноты» впервые появилась во 2-м издании 1939 г. Об этом см. Lencman 1966, 64 = Ленцман 1963, 57 сл.

До этого советские историки обращали все свои силы на подтверждение того, что история развивается по научно познаваемым законам, а в конце ее запрограммирована победа коммунизма. Доказательством служило учение о последовательной смене формаций, и в этой схеме рабовладельческий строй античности прочно занимал свое исторически необходимое место. Исходя из этого, переписывали всю предшествующую историю, однако изучением того, как именно функционировало рабство, советская наука еще не занималась. Заполнить этот пробел взялось в основном новое поколение, обученное Ковалевым, Сергеевым и другими.

Прежде чем перейти к этому поколению, напомним, что всего через два года после посмертного издания «Истории древней Греции» Сергеева историк из Тюбингена Йозеф Фогт в 1950 г. предложил собственный проект исследований античного рабства. Как член Майнцской академии наук и литературы и председатель академической комиссии по изучению истории древности он располагал возможностями для осуществления этой программы и использовал их. Фогт считал, что марксистская теория бросила ему и историкам свободного мира вызов, на который он искал ответ с позиции собственной научной традиции и в духе политического климата эпохи⁷¹. Делал он это в присущем ему стиле, сочетавшем в себе чутье к актуальным проблемам и определенную сдержанность, позволявшую дистанцироваться от личной полемики и сугубо теоретических споров⁷². Историю Майнцкого проекта изучения рабства и роль Фогта рассматривают другие авторы⁷³. Я же упомянул здесь о нем только потому, что Фогт правильно чувствовал, что марксистско-ленинское учение о рабовладельческом строе в античности потребовало от западной стороны более тщательно исследовать античное рабство.

Советские историки также не могли далее мириться с общими высказываниями о рабовладельческом строе в античности. Поэтому в 1950-е годы они опубликовали в «Вестнике древней истории», ведущем советском журнале по истории древности, целую серию статей, посвященных отдельным вопросам античного рабства статей и носящих источниковедческий характер⁷⁴.

3.2. ОТ СЕМИЛЕТНЕГО ПЛАНА ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИИ РАБСТВА В АНТИЧНОМ МИРЕ ДО КОНЦА СОВЕТСКОГО СОЮЗА (1960–1991)

Прилив энергии, с которой велись советские исследования в 1950-е годы, достиг наивысшей точки в семилетнем плане исследований по истории рабства в античном мире. Впервые этот проект был представлен в краткой заметке, опубликованной в последнем, четвертом номере ВДИ за 1960 год⁷⁵. Включенный в

⁷¹ Представляет интерес явно несущее на себе печать холодной войны исследование (Коцевалов 1956), выполненное в Мюнхенском институте по изучению СССР. А. Коцевалов, покинувший в 1943 г. Советский Союз, после войны стал ординарным профессором греческой филологии в Украинском свободном университете в Мюнхене.

⁷² См. промежуточный отчет Фогта за 1961 г.: Vogt 1972, 97–111, особ. 108–111 (*Die antike Sklaverei als Forschungsproblem von Humboldt bis heute*).

⁷³ Cp. Deissler 2010, 77–93 и Herrmann-Otto 2010, 61–75.

⁷⁴ Обзор этих работ см. Lencman 1966, 38–62, особ. 54 сл. (=Ленцман 1963, 44–64, особ. 57 сл.).

⁷⁵ «История рабства в античном мире»... 1960, 3–8; франц. пер.: Raskolnikoff 1975, 304–309 («L'histoire de l'esclavage dans l'antiquité» dans le plan septennal de l'Institut d'histoire de l'Académie des Sciences d'U.R.S.S.). Пояснения к этому плану см. в опубликованной следом статье: Утченко, Штаерман 1960, 9–21.

семилетний план Института истории АН СССР коллективный труд мыслился как «серия научно-исследовательских монографий, подчиненных единому общему плану... и дающих в целом полную и основанную на изучении первоисточников картину возникновения, развития и гибели рабовладельческого способа производства в античном мире» (с. 4).

Но помимо этой задачи имелось и еще одно направление главного удара. Судя по тексту, речь шла прежде всего о том, чтобы противопоставить марксистское понимание концепциям его противников. Особое место отводилось одному из них, американцу У. Вестерманну. Его опубликованный в 1955 г. труд «Системы рабства греческой и римской античности» советские историки резко критиковали за стремление преуменьшить значение рабства в экономике и социальной структуре античности. По мнению советских историков, это было диаметрально противоположно их позициям и не могло остаться без ответа⁷⁶. Лучше всего процитировать советского антиковеда, который ретроспективно характеризовал политические и научные принципы, а также организацию нового проекта следующим образом:

Наличие редколлегии, состоящей из ученых, которые почти все выступали в качестве основных авторов монографий, обеспечило не только единый методологический подход к античному рабству как основе рабовладельческой общественно-экономической формации, но и некоторое единство в методике исследования, а именно: тщательное изучение источников; внимательная проверка ряда положений, хотя бы общепринятых, но не нашедших обоснования в источниках; постоянный учет достижений современной историографии. Вместе с тем этот большой коллективный труд советских античников был направлен против реакционных, неаргументированных, основанных, как правило, на тенденциозном подходе к источникам концепций, столь характерных для работ ряда представителей буржуазной историографии⁷⁷.

Из этой оценки отчетливо следует два момента: собственные позиции советских марксистов должны быть подтверждены на основе серьезного исследования и в особенности тщательного изучения источников; однако целью остается защита марксистско-ленинской линии против лагеря буржуазии. Мы находимся в 1960 г., в начале советского семилетнего плана, в разгаре холодной войны, незадолго до Карибского кризиса. И здесь американский противник, такой как Вестерманн, подходит как нельзя лучше. Правда, на самом деле книга Вестерманна вовсе не была свежей публикацией: в виде монографии была издана большая статья, опубликованная в энциклопедии Паули-Виссовы еще в 1935 г.⁷⁸ К тому же Вестерманн ко времени выхода книги уже не было в живых (он умер 4 октября 1954 г.). Труд свой он посвятил памяти умершего в 1952 г. коллеги – М.И. Ростовцева. Посвящение русскому эмигранту, объявленному в СССР вне закона, в известном смысле служило недвусмысленным сигналом о позиции, занимаемой самим Вестерманном. К началу работы над семилетним планом Ростовцев и Вестерманн уже были из строя живых противников, и в 1960-е годы в историографии рабства появились новые фронты.

Я останавливаюсь на политических конфликтах лишь в той мере, в какой это необходимо для понимания советских исследований рабства. Прежде всего и главным образом упомяну об XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме, где из-за оценки античного рабства разразилась ожесточенная дискуссия

⁷⁶ «История рабства в античном мире»... 1960, 3 сл.

⁷⁷ Кузищин 1978, 141 сл.

⁷⁸ Westermann 1935; 1955.

между немецкими и советскими историками античности⁷⁹. Конгресс проходил 21–28 августа 1960 г. Возможно, не было простым совпадением то, что вскоре после этого, в конце 1960 г., в Москве был представлен семилетний план исследований рабства в античном мире. Это стало реакцией на собственные недостатки, которые уже были обозначены советскими историками, а теперь откровенно обсуждались западными историками на трибуне международного конгресса исторических наук. В качестве первого тома советской серии вышла книга Я.А. Ленцмана «Рабство в микенской и гомеровской Греции»⁸⁰.

Такая реакция и начало издания специальной серии монографий в СССР подтолкнули Й. Фогта к тому, чтобы, со своей стороны, придать соответствующую форму (серии книг) исследованиям рабства, которые велись под его руководством в Майнцской академии. Первый том «Forschungen zur antiken Sklaverei» вышел в 1967 г. (Chantraine 1967). Но официальное объявление о новой майнцской серии было помещено пикантным образом в «советской» монографии, а именно в предисловии издателей, Й. Фогта и Г. Бройера, к вышедшему в 1966 г. немецкому переводу вышеупомянутой книги Ленцмана:

В настоящее время Академия наук СССР приступила к изложению в серии монографий, призванных обобщить результаты предыдущих исследований, истории античного рабства в целом. Майнцская академия переходит к публикации последующих работ ее Комиссии по истории древности в рамках серии «Forschungen zur antiken Sklaverei». В интересах дела, чтобы ученые еще больше, чем до сих пор, поддерживали связи и сверяли свои результаты, даже если исходные позиции у них различны.

Для облегчения такого научного обмена мы считаем, что следовало бы, если только возможно, издавать упомянутые монографии Академии наук СССР в переводе на немецкий язык⁸¹.

Изданием перевода монографии Ленцмана Фогт открыл серию «Переводов зарубежных работ по античному рабству» в рамках Майнцкого проекта⁸². Тем самым он преследовал цель сделать советские работы доступными на одном из западных языков, поставить критическое рассмотрение на прочную основу и сделать дискуссию более предметной. Во многих отношениях цель эта была достигнута, однако в 1960–1970-е годы полемика переместилась на другой фронт, где продолжилась весьма ожесточенно. Этот спор, в котором оппонентом Фогта выступал прежде всего М. Финли, стал предметом специального рассмотрения⁸³.

Итак, я возвращаюсь к советским работам. Семилетний план обернулся начинанием, осуществление которого заняло 17 лет. Последний том советской серии появился в 1977 г. и был посвящен восточным провинциям Римской империи⁸⁴.

⁷⁹ Толчком к дискуссии послужили доклад С. Лауфера и сообщение Ф. Виттингхофа (ср. Lauffer 1960, 71–97; Vittinghoff 1960, 71–73 (резюме); 1961, 265–272; см. также 1962, 279–286). Подробное рассмотрение стокгольмских докладов Лауфера и Виттингхофа ср. Дилигенский 1961, 124–137.

⁸⁰ Ср. упоминание о том, что на конгрессе в Стокгольме «был представлен антимарксистский доклад западногерманского историка С. Лауфера об античном рабстве» (Lencman 1966, VII = Ленцман 1963, 5; «От редколлегии»), и изложение Ленцманом доклада Лауфера (ibid., 88–91 = там же, 87–90). 88–91.

⁸¹ Lencman 1966, XII.

⁸² Название серии «Übersetzungen ausländischer Arbeiten zur antiken Sklaverei» появилось лишь в выходных данных второго тома (Shtaerman 1969 = Штаерман 1964).

⁸³ См. Deissler 2010, 77–93.

⁸⁴ Маринович, Голубцова, Шифман, Павловская 1977 = Marinovič, Golubcova, Šifman, Pavlovskaja 1992.

Однако коллективные усилия себя оправдали. По всем трем разделам проекта (древняя Греция, эллинистические государства, древний Рим) были опубликованы монографии или коллективные труды. И только поздняя античность так и не получила соответствующей разработки⁸⁵.

Как же оценивать теперь этот коллективный вклад? Пожалуй, интереснее всего привести два по существу противоположных суждения советских историков, тем более что в них проводится сравнение с Майнцским проектом. Начну с оценки, которую дал В.И. Кузищин, до недавнего времени возглавлявший кафедру истории древнего мира в МГУ. Кузищин и сам признанный специалист по античному рабству, однако в московском академическом проекте участия не принимал. Он представляет рассматриваемую серию как большое достижение советского антиковедения и полагает, что «по тщательности и объективности источниковедческого анализа, значимости сделанных выводов, систематичности в изучении крупных проблем рабства» она превосходит майнцскую серию Й. Фогта⁸⁶. Следует напомнить, что эта оценка была вынесена в 1978 г., задолго до перестройки. Кстати, Кузищин видит большую потребность в продолжении исследований рабства и в будущем.

Напротив, следующее, противоположное по характеру суждение было высказано после перестройки, и не московским, а петербургским историком⁸⁷. Фролов считает, что высоко оцененная Кузищиным академическая серия «стала своеобразным надгробным памятником марксистской концепции античного рабовладельческого общества». В результате своих собственных исследований, а также полемики с «семинаром» Й. Фогта советские ученые пришли к убеждению, что марксистское представление об основополагающем значении рабства для классической древности не может относиться ко всем эпохам и регионам древнего мира и соответствующие выводы должны носить гораздо более дифференцированный характер, чем прежде⁸⁸.

Приведенные суждения кажутся ясными, но, возможно, все не так просто. Очевидно, Фролов не испытывает симпатии к московским исследованиям рабства, однако вспомним, что в другом месте в своей книге он весьма убежденно высказывается о неопровержимости исторического материализма⁸⁹. Если свести оба его высказывания к непротиворечивой позиции, из нее должно бы следовать, что у марксистской историографии рабства есть будущее, в той мере, в какой она освободится от догм Ленина и Сталина. Пожалуй, М. Финли согласился бы с такой точкой зрения.

С Кузищиным дело обстоит совершенно иначе. С Фроловым его объединяет то, что оба – один в Москве, другой в Ленинграде/Санкт-Петербурге – возглавляли

⁸⁵ Структуру семилетнего плана см. «История рабства в античном мире»... 1960, 4–6; франц. пер. Raskolnikoff 1975, 305–307. Для поздней античности была предусмотрена тема 10 «Разложение и гибель рабовладельческих отношений в Римской империи (IV–V вв. н.э.)». Мои попытки привлечь советского соавтора для главы о поздней античности в изданном мною сборнике (*Die Geschichte des Altertums...* 1980) не увенчались успехом. В результате я сам написал соответствующую главу (S. 256–340: *Das Ende der Alten Welt im Rahmen der Gesamtentwicklung der sowjetischen Althistorie*). Несмотря на то что я старался дать корректную оценку советской исторической науке, а все остальные главы для этого сборника были написаны советскими авторами, в библиотеках СССР эта книга попала в «спецхран». Как мне сообщили, это ограничение было снято лишь во время перестройки.

⁸⁶ Кузищин 1978, 147.

⁸⁷ Фролов 1999, 412.

⁸⁸ Еще более метко выразился А.К. Гаврилов: «Й. Фогт со своими коллегами выиграл у марксистов эту ученую “спартакиаду”» (2003, 336).

⁸⁹ См. выше с. 159.

или возглавляют кафедры древней истории. Оба заняли руководящие должности в советское время и сохранили их в постсоветской России. Однако в противоположность Фролову, который предпочитал иные темы, Кузищин был представителем советской историографии рабства. Он продолжил как раз там, где, по его мнению, в семилетнем плане оставался пробел, а именно в том, что касалось экономических аспектов античного рабства⁹⁰. Еще в своей кандидатской диссертации в 1957 г. он рассматривал тип крупного рабовладельческого хозяйства в Италии в конце Республики. Эту линию он продолжил и в докторской диссертации 1966 г. «Очерки по истории земледелия в Италии II в. до н.э. – I в. н.э.». За этим последовали три монографии Кузищина⁹¹, ключевые положения которых таковы: ведущим экономическим типом была рабовладельческая вилла средних размеров; на этой основе рабство в Италии в период Поздней республики и раннего Принципала достигло наивысшего уровня развития и определяло лицо римского сельского хозяйства в целом. Из этого Кузищин заключает, что античный мир в высшей точке своего развития характеризовался рабовладельческим строем. Весьма показательно, что в 1990 г., за год до конца СССР, он обобщил результаты многих своих работ в монографии, где рабство представлено как экономическая система и базис античного способа производства⁹². В известном смысле эта книга, как замковый камень, завершила здание советской историографии рабства.

С тех пор ничего подобного больше не издавалось. В постсоветскую эпоху на исследования античного рабства опустилась завеса молчания. Высшую свою точку они миновали уже в конце 1970-х годов⁹³. За упадком последовал безмолвный конец историографии рабства вследствие перемен в СССР. В объяснении нуждается прежде всего упадок, потому что он наступил без каких-либо внешних воздействий. Мое объяснение таково: советская историография рабства умерла не от передозировки рабства, а задохнулась от избытка марксистско-ленинской ортодоксии. Эта ортодоксия дискредитировала исследования рабства в собственной стране и привела к гибели советского марксизма.

4. Попытка итога

4.1. СКОВЫВАНИЕ ТВОРЧЕСКИХ СИЛ И ПАРАЛИЗУЮЩАЯ ЗАЩИТА МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ОРТОДОКСИИ

В том, что касается древней истории, узость и ограниченность марксистско-ленинской практики в целом и блокирование наиболее творческих сил с исключительной ясностью отразились в судьбе столь известного историка античности, как Елена Михайловна Штаерман. Учитывая, что партийные власти контролиро-

⁹⁰ Кузищин 1978, 147.

⁹¹ Кузищин 1970; 1973; 1976. Эта перспектива была развита в совместной статье: Кузищин, Штаерман 1989 (франц. пер. 1995).

⁹² Кузищин 1990. Ср. также резюме его более ранних работ: Историческая наука... 1984, 256–258.

⁹³ Все же и в 1980-е годы еще появлялись отдельные работы по античному рабству, представляющие ценность. Ср. избранные статьи 1981–1991 гг., опубликованные в переводе на французский язык (*Esclavage et dépendance...* 1995). Методологически интересные подходы к изучению вилл итальянского типа на римском Западе, прежде всего в Галлии, и местных структур в экономике и социальных отношениях, продолжавших существовать в этих областях: см. Ляпустина 1985, 161–186; Ljapoustina 1990–1992, 301–305.

вали все издания, было бы неправильно судить о взглядах и достижениях ученых только лишь на основе их публикаций. В случае Е.М. Штаерман у нас благодаря новым источникам появилась счастливая возможность лучше понять ее взгляды и трудности, с которыми она сталкивалась. Ее младшая дочь Люба Жорж не так давно написала воспоминания о матери, которые опубликованы в приложении к биографическому очерку о Штаерман, написанному ее ученицей⁹⁴. Приведу несколько ключевых цитат из этой заметки:

Наука была убежищем и смыслом жизни. Маму всегда больше всего интересовали теории, объясняющие историческое развитие. Из всех, ею изученных, она все же предпочитала марксизм. Я считала, что обязательный марксизм это жестокое наказание за первородный грех. А мама верила в него, но считала, что надо его творчески развивать и использовать. Метод, а не букву.

Она участвовала в семинарах и дискуссиях с другими учеными, которые придерживались таких же взглядов и, по-моему, в этот период была совершенно счастлива⁹⁵. Но, как и следовало бы ожидать, в 1969 г. появилась статья в «Коммунисте» с резкой критикой теоретических построений ряда историков, в том числе и моей матери⁹⁶. Я помню, как ее университетские подружки от нее «отмежевались» и стали избегать ее, как чумы⁹⁷. Помню и то, что тогдашние ее коллеги в институте сделали вид, что ничего не произошло, и отнеслись к маме, как и раньше⁹⁸.

Однако от исторических теорий и концепций пришлось отказаться. А это, как я уже упомянула, был главный мамин интерес...

Просто больно думать о всех планах, которые ей было не позволено осуществить. Например, написать что-нибудь без редактора и цензуры... Конечно, она не принадлежала ни к партии, ни к какой бы то ни было клике. Это, безусловно, помогало сохранять хоть какую-то внутреннюю свободу...⁹⁹

В итоге можно лишь сказать: следует не критиковать публикации Штаерман, когда автор придерживается (и должна была придерживаться, если хотела, чтобы ее работы вообще увидели свет) официальной линии, а скорее выделять моменты, свидетельствующие о попытках несмотря на все препятствия расширять пространство свободы марксистской теории¹⁰⁰. Советские работы по античному рабству, конечно, представляют собой настоящий продукт системы, но не обязательно и не во всем они достоверно свидетельствуют об их авторах¹⁰¹.

⁹⁴ Ляпустина 2004, 286–294.

⁹⁵ Речь идет о семинаре по методологическим проблемам марксистской историографии в Институте истории АН СССР в Москве, закрытом под давлением сверху в начале 1970-х годов, так как высказывавшиеся там взгляды были приравнены к опасным отклонениям от марксистской линии (см. Гутнова 2001, 344 сл.). Подробнее об этих дискуссиях в более общем контексте ср. Hösler 1995, 139–155.

⁹⁶ Имеется в виду статья: Данилов 1969, 68–81. Ср. Ляпустина 2004, 293 сл., прим. 8. Подробнее о теоретических дискуссиях того времени ср. Hösler 1995, 139–184.

⁹⁷ О конфликте между Штаерман и Гутновой, которая до того была ее близкой подругой, ср. Гутнова 2001, 343–345.

⁹⁸ С 1950 по 1991 г. Штаерман работала в секторе истории древнего мира Института истории (затем – Института всеобщей истории) АН СССР в Москве.

⁹⁹ Вспоминает Люба Жорж (Ляпустина 2004, 291–293. Приложение).

¹⁰⁰ Ср. попытку оценки: McKeown 2007, 52–76 (*Struggling with Class: Shtaerman, Trofimova and a Marxist View of Roman Slavery*).

¹⁰¹ Ср., например, также: Schmitt 2005, 65–77, о горьких компромиссах, на которые под нажимом пошел С.А. Жебелев в вопросе о восстании Савмака.

4.2. ЧТО ЖЕ ОСТАЕТСЯ?

Этот вопрос можно и нужно ставить после завершения каждой публикации, каждого проекта, каждого этапа исследования. Особенно настоятельным он оказывается в случае советской историографии рабства, так как здесь мы имеем дело со значительным, продолжительным по времени, а теперь окончательно завершившимся научным экспериментом. Что же остается? – Об этом спрашивают не только современные наблюдатели событий. Куда более напряженно, и даже мучительно, задаются этим вопросом советские историки, и прежде всего те, вся жизнь которых пришлась на продлившийся около семидесяти лет период господства марксизма-ленинизма. Учитывая драматический путь, пройденный Советским Союзом с Октябрьской революции до перестройки, эксперименты по тотальной мобилизации и перевоспитанию народа, вопрос об остаточной ценности исследований в области древней истории на первый взгляд кажется неуместно маргинальным. Однако его нужно ставить и включать в более широкий контекст советской истории и определявшей ее марксистско-ленинской идеологии, потому что в отличие от демократических государств здесь изучение древней истории могло функционировать только как часть системы или по крайней мере не противоречить ей.

Оценивая возможности и пределы развития исторической науки в СССР, я опираюсь не только на приведенные выше публикации по древней истории, но и на упоминавшуюся уже не раз автобиографию Е.В. Гутновой – студентки, сотрудницы и, наконец, профессора кафедры истории средних веков МГУ. Время ее жизни (1914–1992) почти в точности совпадает со временем существования Советского Союза. Ее биография типична для еврейской интеллигенции ее родной страны¹⁰², она достоверна в описании настроения революционного подъема, горького опыта жизни при диктатуре Сталина, нетерпимости системы и ее медленного умирания. Она познавательна в том, что касается развития истории как научной и учебной дисциплины не только в Москве, но и в СССР в целом. Кроме того, для антиковедов она особенно интересна тем, что Гутнова на протяжении долгих лет, начиная со студенческой скамьи, близко дружила с Е.М. Штаерман (1914–1991). В автобиографии Гутновой дана общая картина условий жизни, в которую можно вписать также и эволюцию Штаерман и ее труды¹⁰³.

Автобиография Гутновой, написанная по-русски, должно быть, доступна лишь немногим читателям за пределами России. Поэтому я приведу из нее несколько важных отрывков о политических условиях, их влиянии на ремесло историка и итоговую самооценку автора. Мы вправе считать, что эти высказывания имеют силу в отношении не только Гутновой, но и других признанных советских исто-

¹⁰² Судьба Гутновой нетипична тем, что ее отец В.О. Цедербаум был известным меньшевиком и революционером (псевдоним – Левицкий). Его жизнь оборвалась в годы сталинских репрессий, а семья долгое время находилась под подозрением и подвергалась преследованиям.

¹⁰³ Дружба между ними разрушилась позднее, в 1969 г., когда на конференции по историографии в МГУ Штаерман обвинили в приверженности к методологии структурализма. Это ей вменяли как отход от марксистского понимания истории в область буржуазных искажений. Штаерман почувствовала, что Гутнова проявила к ней непонимание и соответственно плохо ее защищала, и поэтому порвала отношения с подругой. Рассказ об этой ссоре, методах политического контроля и стиле критических выступлений представляет интерес во многих отношениях (Гутнова 2001, 344 сл.; а также 291 сл. и 311 сл.). Ср. в этой связи также воспоминания Любы Жорж (Ляпустина 2004, 291).

риков, тем более что они написаны успешным и авторитетным представителем профессионального цеха, работавшим на основе теории марксизма-ленинизма.

В конце своей книги и своей жизни, под впечатлением перестройки Гутнова задает себе вопрос: «И где же мое место во всем этом? Как же я прожила свою жизнь в эти страшные семьдесят лет, сделала ли что-то нужное, полезное, или вся моя жизнь была пустым прислужничеством перед господствующей идеологией? Сотни вопросов одолевают меня. Как дать на них честные, искренние ответы перед самой собой и потомками?»¹⁰⁴

Вся моя сознательная жизнь прошла в послеоктябрьский период и тесно сплетена с его семидесятилетней историей. Каковы бы ни были мои родственные связи¹⁰⁵, но я училась в советской школе, в советском вузе, и в каком – историческом! Я воспитывалась на догматах «Краткого курса ВКП(б)»¹⁰⁶ и ригористично истолкованной идеологии марксизма-ленинизма...

И что же теперь? Печальный свет сегодняшнего дня безжалостно освещает все углы прошлого, пустоту идеалов, за которые отдавались жизнь и честь, тупиковость семидесятилетнего пути и, следовательно, также и моей жизни. Сброшены с пьедесталов не только Сталин и сталинисты, которых я давно повергла в прах в своей душе, но и Ленин, и Маркс, под сомнение поставлена та историческая теория, на основе которой я писала свои работы. Ужели моя жизнь прожита зря: не то писала, не тому учила, не так, как нужно, понимала прошлое?

Все протестует во мне против такого ответа. Перебирая свою долгую жизнь, я ощущаю, что не все в ней было так однозначно, сервильно, нечестно...

Разве все, написанное мною, было так плохо? Конечно, как и всем, приходилось огораживать свои мысли цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина, чтобы показать свою правоту. Но разве я не сидела долгими днями над источниками, разве не вгрызалась в жизнь далекой Англии XIII–XIV веков, чтобы понять ее?

Разве я не вырастила целую плеяду хороших ученых, которые сегодня свободно и непредвзято могут развивать и двигать вперед нашу науку, корректируя и марксистское понимание истории? Что же касается последнего, то не могу принять обвинения в догматическом его использовании. Я и сегодня считаю себя историком-марксистом и не стыжусь этого. Конечно, много в марксистском понимании истории устарело, особенно же в его догматическом истолковании, которое господствовало в нашей науке, оболваненной примитивом «Краткого курса». Все это требует коррективов, переосмысления, но смешно на этом основании отрицать вклад марксистского понимания истории в историческую науку, признаваемый во всем мире. Конечно, оно являет собой лишь один взгляд, возможны и другие¹⁰⁷.

Несмотря на интонации самооправдания в этих отрывках высказано откровенное, вызывающее уважение стремление подвергнуть строгому анализу свою совесть и научную позицию. Должно быть, и за пределами бывшего СССР немного найдется тех, кто столь беспощадно вопрошает собственное прошлое. Возможно, ответы Гутновой не всегда удовлетворяют, но они репрезентативны для широкого круга советских историков. Так как Гутнова была и осталась марксисткой, а вовсе не диссиденткой, ее невозможно заподозрить в искаженном изображении марксистско-ленинской системы. Действительно, таковы были рамки, в которых развивались в том числе и советские исследования античного рабства, и чтобы судить о них, это, безусловно, нужно знать¹⁰⁸.

¹⁰⁴ Гутнова 2001, 424.

¹⁰⁵ О ее семье см. выше прим. 102.

¹⁰⁶ О «Кратком курсе» см. выше, с. 153–155.

¹⁰⁷ Гутнова 2001, 425 сл.

¹⁰⁸ В защиту марксистского наследия, в том числе учения о формациях, недавно решительно выступил П.П. Толочко, директор киевского Института археологии Национальной академии наук Украины (Толочко 2007).

Пренебрежение советскими достижениями не пошло бы на пользу никому, и менее всего общему делу изучения античного рабства. Вместо того, чтобы «сломать надломленный тростник» и высокомерно отвернуться, нам следовало бы вместе с советскими и постсоветскими истоками постараться спасти то, что заслуживает спасения. Здесь совсем не место заниматься инвентаризацией фонда исследований, сохраняющих актуальность и за рамками существования СССР. Они должны показать себя в ходе дальнейшего развития науки; правда, сначала с ними надо хотя бы познакомиться. Но именно для такого знакомства нередко нет условий и не хватает доброй воли. Во всяком случае нам не следовало бы вести себя так, как, со своей стороны, многие советские историки вольно или невольно обходились с «буржуазной» наукой, признавая получаемые ею факты, но разоблачая ее методологические недостатки. Советские исследования античного рабства заслуживают нашего внимания как с точки зрения конкретных результатов, так и в отношении методологии. Публикации советских историков, во всяком случае лучшие из них, не только предоставляют новый материал и новые интерпретации отдельных тем, но и включают достигнутые результаты в широкий теоретический контекст, что и теперь еще стимулирует читателя, побуждая его определять свою собственную позицию.

В противоположность ситуации в постсоветской России, в международной историографии рабства открываются все новые темы: расизм, торговля людьми и нарушение прав человека (называю лишь некоторые из них). На Западе эта динамично развивающаяся проблематика питает также и изучение античного рабства. Но в век глобализации те же проблемы стоят в Восточной Европе, России и остальном мире. Поэтому, возможно, это лишь вопрос времени, когда и постсоветская наука о древности снова откроет тему рабства. С точки зрения науки это было бы выигрышем, потому что нам недостает партнера, с которым мы с противоположных точек зрения вели долгие и плодотворные дискуссии. Без вызова, которым послужила советская марксистская концепция рабства, не было бы и проекта Майнцской академии по изучению рабства.

Postscriptum. Реально существовавшая альтернатива: М.Е. Сергеенко

В конце данной статьи должна стоять исследовательница, которая на протяжении всей своей долгой жизни никогда не поклонялась марксизму, но все же завоевала себе место в советском антиковедении, занимаясь наукой и преподаванием: Мария Ефимовна Сергеенко (1891–1987)¹⁰⁹. Не принадлежа к «мейнстриму» советской историографии рабства, она смогла опубликовать целый ряд ценных исследований по римской социально-экономической истории¹¹⁰.

Сergeenko, родившаяся в Новозыбкове Черниговской губернии, происходила из обеспеченной семьи и получила классическое образование на Бестужевских высших женских курсах в Санкт-Петербурге. Среди ее учителей были профес-

¹⁰⁹ В основном идентичная версия данного текста вошла в состав HAS 2010: s.v. Sergeenko (H. Heinen).

¹¹⁰ О жизни и творчестве Сергеенко ср. Гаврилов, Казанский 1993, 316–328 (биография и список трудов); Трофимов 1997, 103–184: жизнеописание (104–124), воспоминания (125–167), письма (168–183), краткая библиография книг и переводов (184), биографические сведения о лицах из ее окружения (496–504), библиография работ о М.Е. Сергеенко (536).

сора М.И. Ростовцев и Ф.Ф. Зелинский. Пребывание Сергеенко по стипендии в Берлинском университете у Г. Дильса У. фон Виламовиц-Меллендорфа оказалось прервано началом Первой мировой войны. С 1917 г. она преподавала латынь и древнегреческий на открывшемся историко-филологическом факультете Саратовского университета и выдержала там в 1920 г. магистерский экзамен. В Саратове в 1922 г. произошла ее встреча с прославленным ученым-агрономом и генетиком Н.И. Вавиловым (1887–1943), которому она давала частные уроки латыни, а он пробудил в ней интерес к истории сельского хозяйства. Эта краткая встреча определила направление научной работы Сергеенко на всю ее жизнь, сделав из нее историка римского сельского хозяйства¹¹¹.

В 1929 г. Сергеенко возвратилась в Ленинград, стала преподавателем латыни в I Ленинградском медицинском институте и сотрудницей Института истории науки и техники Академии наук (отдел сельского хозяйства) и приступила к переводу латинских агрономов. С 1934 г. она стала преподавать в ЛГУ, во время блокады (1941–1944) оставалась в городе и переводила «умирая от голода и холода»¹¹² «Исповедь» Августина. В 1943 г. в осажденном Ленинграде она защитила докторскую диссертацию о римском сельском хозяйстве, возглавила кафедру латинского языка в I Ленинградском медицинском институте и (с 1945 г.) работала в Ленинградском отделении Института истории АН СССР. В 1974 г. вышла на пенсию, но продолжила научную деятельность, главным образом занимаясь переводами¹¹³.

Этой краткой биографии будет недоставать чего-то определяющего, если не указать на замечательное событие: «открытие» ею православного Пюхтицкого монастыря в Эстонии, который она с конца 1950-х годов регулярно посещала и монахиней которого позже стала, продолжая заниматься наукой в Ленинграде. Переход ее в духовное звание произошел в тайне; большинство коллег узнали об этом только с ее смертью. Сергеенко умерла в Ленинграде 28 октября 1987 г., в возрасте почти 96 лет. Ее бранные останки покоятся на сестринском погосте в Пюхтице.

В область интересов Сергеенко входили античная литература от греческой трагедии до раннехристианских писателей. С 1970-х годов выходили ее анонимные публикации о латинских раннехристианских авторах, прежде всего ряд переводов. Уже после ее смерти был издан перевод третьей декады Тита Ливия¹¹⁴. Однако большая часть ее работы была связана с сельским хозяйством и обществом древней Италии. Этими публикациями она обеспечила себе положение в профессии и научную репутацию в советском контексте.

Первая монография, вышедшая из-под пера Сергеенко, была издана в 1949 г. Это была хорошо документированная и доходчиво написанная книга о Помпеях¹¹⁵. За ней последовали переводы римских авторов (Катона Старшего и Плиния Младшего)¹¹⁶. В конце 1950-х и в 1960-е годы одна за другой довольно быстро выходили работы Сергеенко о римском сельском хозяйстве и обществе¹¹⁷.

В «Очерках» Сергеенко о сельском хозяйстве древней Италии¹¹⁸ несмотря на заголовок первой главы («Рабовладельческое поместье Средней Италии во

¹¹¹ Воспоминания М.Е. Сергеенко (Трофимов 1997, 148–150).

¹¹² Жизнеописание (Трофимов 1997, 108).

¹¹³ Плиний Младший 1982; Тит Ливий 1991.

¹¹⁴ Список работ Сергеенко см. Гаврилов, Казанский 1993; Трофимов 1997, 184.

¹¹⁵ Сергеенко 1949.

¹¹⁶ Катон 1950; Плиний Младший 1982 (1950).

¹¹⁷ Сергеенко 1958; 1964a; 1964b; 1968.

¹¹⁸ Сергеенко 1958.

II в. до н.э.)) никаких настоящих уступок господствующему марксистскому учению не делается, но они представляют собой настоящее фундаментальное труд. Исследование отличается тщательным изучением латинской технической терминологии и сельскохозяйственных орудий, подробным рассмотрением различных отраслей сельского хозяйства (производства и сбора зерновых, огородничества, производства масла, овцеводства и свиноводства, пригородного хозяйства в suburbium Рима, в долине По и в округе Помпей). Симпатии автора принадлежат предприимчивым и трудолюбивым селянам; рабы присутствуют повсюду, но роль их не выпячивается.

В 1964 г. Сергеенко представила две монографии, по сути образующие взаимно дополняющие части единого труда о римском обществе. Первая из них посвящена городу Риму преимущественно I в. н.э.¹¹⁹ Рабы и вольноотпущенники рассматриваются в отведенных им главах: систематически, близко к источникам, с погружением в детали и критическими оценками, без идеологической стилизации¹²⁰. Во второй книге меняется место действия: на первом плане находятся Италия и населяющие ее простые люди, труженики¹²¹. В начале этой книги встречается утверждение, что об экономике и обществе Рима написано очень много, а о «безликой» массе рабов, воинов и ремесленников совсем мало. В 12 главах рассматриваются по порядку, наглядно и близко к источникам, пастухи, вилики, школьные учителя, врачи, пожарные, пекари, сукновалы, центурионы, гладиаторы, актеры, цирковые возницы и трактирщики. Правда, эта книга издана в научно-популярной серии и поэтому в ней, в отличие от той, что посвящена городу Риму, не приводятся ссылки на источники. Тем не менее она покоится на прочной научной основе и содержит много информации и любопытных соображений об условиях жизни и разных видах деятельности прежде всего опять-таки рабов и вольноотпущенников. Теми же достоинствами отличается и исследование Сергеенко о ремесленниках древнего Рима¹²². Наряду с мельниками и пекарями, сукновалами, ювелирами, златокузнецами и врачами автор описывает также жилые кварталы (инсулы) и их внутреннюю обстановку, нравы и обычаи этой среды не в чисто антикварном ключе, а исторически хорошо продуманно, следуя в этом примеру своего учителя Ростовцева. Книга содержит все необходимые ссылки и множество источников в переводе. Опять обильно представлены рабы и отпущенники, особенно в специальной главе о колумбариях Статилиев Тавров.

Книги Сергеенко изданы не в рамках коллективного плана, а представляют собой совершенно самостоятельное достижение. Снова и снова кажется, что чувствуется влияние Ростовцева. В монографии о Помпеях, как и в обращении к Риму и Италии, отражаются интересы и главные моменты, которые отстаивал Ростовцев в своих исследованиях и в преподавании на Бестужевских курсах до Октябрьской революции¹²³. И непосредственная работа над источниками, в том числе археологическими, и умение использовать их для исторического анализа – это характерные черты Ростовцева, отличающие равным образом и работы Сергеенко. Но больших и смелых концепций, которые Ростовцев разработал после своего отъезда

¹¹⁹ Сергеенко 1964а.

¹²⁰ Сергеенко 1964а, 259–275 (рабы), 276–293 (вольноотпущенники).

¹²¹ Сергеенко 1964б

¹²² Сергеенко 1968.

¹²³ О присутствии античной и современной Италии в работах Ростовцева ср. Marccone 1999. Стиль Ростовцева как преподавателя описывается в цитате из еще не опубликованной части воспоминаний Сергеенко (Фролов 1990, 159–160 = Frolov 1993, 216).

из России в 1918 г. и выдвинул в знаменитой «Социально-экономической истории Римской империи» (1926), у Сергеенко ожидать не приходится. Она осталась в зарождающемся Советском Союзе и пережила все превратности своей страны. Марксисткой она не была, но все-таки советским историком совершенно очевидно стала. Выбор ею тем, в особенности обращение к истории сельского хозяйства, крестьян и ремесленников, лежали в русле советской исторической науки. Ощутимая у нее симпатия к «простым людям» и трудовому народу римского мира, конечно, уходила корнями в русскую традицию, но также (а возможно, по преимуществу) была связана с влиянием новых социалистических идей, с которыми Сергеенко столкнулась после 1918 г.

Работы Сергеенко отличаются добротная филологическая основа, самостоятельность суждений и живая манера изложения. Благодаря этим качествам и несмотря на прямо-таки поразительное воздержание от использования марксистско-ленинских категорий и построений ее работы смогли быть хорошо приняты в советской среде. Темы и предпочтения Сергеенко, несомненно, отвечали ее собственным убеждениям и то же время соответствовали интересам советской системы. Но исковеркать себя она этой системе не дала.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Фридрих ЭНГЕЛЬС. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом (Анти-Дюринг).

До того времени не знали, что делать с военнопленными, и потому их попросту убивали, а еще раньше съедали. Но на достигнутой теперь ступени «хозяйственного положения» военнопленные приобрели известную стоимость; их начали поэтому оставлять в живых и стали пользоваться их трудом. Таким образом, насилие, вместо того чтобы господствовать над хозяйственным положением, было вынуждено, наоборот, служить ему. *Рабство* было открыто. Оно скоро сделалось господствующей формой производства у всех народов, которые в своем развитии пошли дальше древней общины, но в конце концов оно стало также одной из главных причин их упадка. Только рабство сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира – для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы. Нам никогда не следовало бы забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие имеет своей предпосылкой такой строй, в котором рабство было в той же мере необходимо, в какой и общепризнано. В этом смысле мы вправе сказать: без античного рабства не было бы и современного социализма.

Нет ничего легче, как раздражаться целым потоком общих фраз по поводу рабства и т.п., изливая свой высоконравственный гнев на такие позорные явления¹²⁴. К сожалению, это негодование выражает лишь то, что известно всякому, а именно – что эти античные учреждения уже не соответствуют нашим современным условиям и нашим чувствам, определяемым этими условиями. Но при этом мы ровным счетом ничего не узнаём относительно того, как возникли эти учреждения, почему они существовали и какую роль они сыграли в

¹²⁴ Гораздо большую меру в целом не слишком распространенного сочувствия к римским рабам проявлял один из современников Энгельса, Теодор Моммзен: «Бездну страдания и горя, которую открывает перед нами жизнь этих несчастнейших из всех пролетариев, может измерить лишь тот, кто отважится проникнуть взором в эту жизнь» (История Рима. Т. II. СПб., 1994. С. 60).

истории. И раз мы уже заговорили об этом, то должны сказать, – каким бы противоречием и ересью это ни казалось, – что введение рабства при тогдашних условиях было большим шагом вперед. Ведь нельзя отрицать того факта, что человек, бывший вначале зверем, нуждался для своего развития в варварских, почти зверских средствах, чтобы вырваться из варварского состояния. Древние общины там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, восточного деспотизма, от Индии до России. Только там, где они разложились, народы двинулись собственными силами вперед по пути развития, и их ближайший экономический прогресс состоял в увеличении и дальнейшем развитии производства посредством рабского труда <...> Простейшей, наиболее стихийно сложившейся формой этого разделения труда и было как раз рабство. При исторических предпосылках древнего, в частности греческого, мира переход к основанному на классовых противоположностях обществу мог совершиться только в форме рабства. Даже для самих рабов это было прогрессом: военнопленные, из которых вербовалась основная масса рабов, оставались теперь, по крайней мере, в живых, между тем как прежде их убивали, а еще раньше даже жарили и поедали¹²⁵.

2. Йозеф ФОГТ. Рабство и гуманность в классической греческой культуре.

Здесь речь идет лишь о том, чтобы вынести правильное суждение о самобытности греков. В эллинском рабстве проявляется жизненная сила, стремящаяся к полноте и интенсивности жизни даже за счет других, и духовность, воспринимающая власть не как выброс дикой силы, а как рациональное состояние порядка. И стихийная жажда жизни, и склонность к озарениям духа предпосылкой своей имели рабство. С полным чувством философского превосходства даже ученик Платона Гераклид Понтийский мог говорить: «Жизнь в наслаждениях и роскоши – удел свободных людей, она возвышает и укрепляет души; труд же – дело рабов и низкородных, оттого и души у них убогие». Эти основные эллинские стихии вырвали чудо полиса и его культуры у скудной земли, неблагоприятного климата, сопротивления враждебного мира. К числу жертв, которые грекам пришлось принести на этом пути, относится рабство и связанная с ним потеря гуманности¹²⁶.

Литература

1. *Большаков А.О.* 2000: Василий Васильевич Струве (1889–1965) // Портреты историков... 2000, 41–52.
2. *Бузескул В.П.* 2008: Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Составление, вступит. ст., подгот. текста, комм. и биографический словарь-указатель И.В. Тункиной. М.
3. *Всемирная история 1955: В десяти томах / Е.М. Жуков (гл. ред.). Т. I. М.*
4. *Гаврилов А.К.* 2003: Из новейшей историографии русского антиковедения // Древний мир и мы. Вып. 3, 335–362.
5. *Гаврилов А.К., Казанский Н.Н.* 1993: К 100-летию М.Е. Сергеевского // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 24. СПб., 316–328.
6. *Гуревич А.Я.* 2002: Историк среди руин. Попытка критического прочтения мемуаров Е.В. Гутновой // Средние века. 63, 362–393.
7. *Гуревич А.Я.* 2004: История историка. М.
8. *Гутнова Е.В.* 2001: Пережитое. М.
9. *Дандамаев М.А.* 1974: Рабство в Вавилонии VII–IV вв. до н.э. (626–331 гг.). М. (англ. пер.: *Dandamaev M.A. Slavery in Babylonia: from Nabopolassar to Alexander the Great (626–331 B.C.). DeKalb, 1984).*
10. *Данилов А.И.* 1969: К вопросу о методологии исторической науки // Коммунист. 5, 68–81.
11. *Деметьева В.В.* 2003: Труд Э.Ш. Вельскопфа «Производственные отношения на Древнем Востоке и в греко-римской античности» как факт историографии: влияние предшественников // ПИФК. XIII, 18–27.

¹²⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 185–187.

¹²⁶ *Vogt 1972, 19 (Sklaverei und Humanität im klassischen Griechentum, 1–19).*

12. Дилигенский Г.Г. 1961: Проблемы истории античного рабства на XII Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме // ВДИ. 2, 124–137.
13. Дьяконов И.М. 1956: Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М.
14. Дьяконов И.М. 1973: Рабы, илоты и крепостные ранней древности // ВДИ. 4, 3–29 (англ. пер.: *Diakonoff I.M. Slaves, Helots and Serfs in Early Antiquity* // AAASH. 1974. 22, 45–78).
15. Историческая наука... 1984: Историческая наука в Московском университете. 1934–1984 / Ю.С. Кукушкин (отв. ред.). М.
16. История ВКП(б) 1946: История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б); Одобрен ЦК ВКП(б), 1938 г. М.
17. История древнего Востока... 1983–1988: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия / И.М. Дьяконов (ред.); Ч. 2. Передняя Азия. Египет / Г.М. Бонгард-Левин (ред.). М.
18. «История рабства в античном мире»... 1960: «История рабства в античном мире» в семилетнем плане Института истории АН СССР // ВДИ. 4, 3–8.
19. Катон 1950: Земледелие / Пер. и коммент. М.Е. Сергеенко. М.–Л.
20. Клейн Л.С. 1993: Феномен советской археологии. СПб.
21. Ковалев С.И. 1933а: Об общих проблемах рабовладельческой формации (Изв. ГАИМК. Вып. 64). Л.
22. Ковалев С.И. 1933b: Классовая борьба и падение античного общества // Из истории докапиталистических формаций. Сб. ст. к 45-летию научной деятельности акад. Н.Я. Марра. (Изв. ГАИМК. Вып. 100). Л.–М., 345–354.
23. Коцевалов А. 1956: Античное рабство и революции рабов в советской исторической литературе. München.
24. Кузицин В.И. 1970: Проблемы производительности рабского труда в сельской хозяйстве Италии. М.
25. Кузицин В.И. 1973: Римское рабовладельческое поместье II в. до н.э. – I в. н.э. М.
26. Кузицин В.И. 1976: Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н.э. – I в. н.э.). М.
27. Кузицин В.И. 1978: Крупный вклад в историографию античности // Вопросы истории. 10, 141–147.
28. Кузицин В.И. 1990: Античное классическое рабство как экономическая система. М.
29. Кузицин В.И., Штаерман Е.М. 1989: Экономика и политика в античном обществе // Вопросы истории. 8, 39–51 (франц. пер.: *Kouziitchine V.I., Chtaerman E.M. Économie et politique dans la société antique* // Esclavage et dépendance... 1995, 9–29).
30. Куторса М.С. 1894: Афинская гражданская община по известиям эллинических историков. Часть I // Собрание сочинений М.С. Куторги. Т. 1. СПб.
31. Ленин В.И. 1919: О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39 (1970). М., 64–84.
32. Ленцман Я.А. 1963: Рабство в микенской и гомеровской Греции. М.
33. Ливий Тит 1991: История Рима от основания Города. Т. II. М.
34. Лурье Я.С. 2004: История одной жизни. 2-е изд., испр. и доп. СПб.
35. Ляпустина Е.В. 1985: Виллы в западных провинциях Римской империи // ВДИ. 1, 161–186.
36. Ляпустина Е.В. 2004: Елена Михайловна Штаерман (1914–1991) // Портреты историков 2004, 286–294.
37. Маринович Л.П., Голубцова Е.С., Шифман И.Ш., Павловская А.И. 1977: Рабство в восточных провинциях Римской империи в I–III вв. М.
38. Мишулин А.В. 1936: Спартакосское восстание. М.
39. Мишулин А.В. 1942: Изучение древней истории в СССР за 25 лет // Исторический журнал. 10, 103–107.
40. Мишулин А.В. 1947: Спартак. Научно-популярный очерк. М. (нем. пер.: *Mischulin A.W. Spartacus. Abriss der Geschichte des großen Sklavenaufstandes*. В., 1952).
41. Парфянский выстрел 2003: Г.М. Бонгард-Левин, Ю.Н. Литвиненко (ред.). М.
42. Плиний Младший 1982: Письма / Изд. подготовили М.Е. Сергеенко и А.И. Доватур. 2-е изд. М. (1-е изд. М.–Л., 1950).
43. Портреты историков 2004: Портреты историков. Время и судьбы / Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская (ред.). Т. 3. Москва–Иерусалим.
44. Раков Л.Л. 1933: К проблеме разложения рабовладельческой формации. (Изв. ГАИМК. Вып. 66). Л.
45. Сергеев В.С. 1948: История древней Греции / Под ред. Н.А. Машкина и А.В. Мишулина. Изд. 2, испр. и доп. М.
46. Сергеенко М.Е. 1949: Помпеи. М.–Л. (нем. пер.: *Sergeenko M.E. Pompeji*. Lpz, 1953).

47. *Сергеенко М.Е.* 1958: Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.–Л.
48. *Сергеенко М.Е.* 1964а: Жизнь древнего Рима: очерки быта. М.–Л.
49. *Сергеенко М.Е.* 1964б: Простые люди древней Италии. М.–Л.
50. *Сергеенко М.Е.* 1968: Ремесленники древнего Рима. Л.
51. Скифский роман 1997: Г.М. Бонгард-Левин (ред.). М.
52. *Сталин И.В.* 1933: Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13 (1951). М., 236–256.
53. *Струве В.В.* 1934: Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческого общества древнего Востока. (Изв. ГАИМК. Вып. 77). Л.
54. *Струве В.В.* 1941: История древнего Востока. Изд. 2-е. М.
55. *Толочко П.П.* 2007: Археология и древняя история (в защиту исторического марксизма). Киев.
56. *Трофимов А.* 1997: Три встречи. М.
57. *Тункина И.В.* 2008: Академик В.П. Бузескул и судьба его книги «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века» // Бузескул 2008, 11–42.
58. *Тюменев А.И.* 1932: Наука об античности в СССР за 15 лет // Сообщения ГАИМК. 9–10, 32–34.
59. *Утченко С.Л., Штаерман Е.М.* 1960: О некоторых вопросах истории рабства // ВДИ. 4, 9–21.
60. *Фролов Э.Д.* 1990: Судьба ученого: М.И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // ВДИ. 3, 143–165.
61. *Фролов Э.Д.* 1999: Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб.
62. *Чиглицев Е.А.* 2000: Античное рабство как историографическая проблема. Казань.
63. *Штаерман Е.М.* 1957: Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М. (нем. пер.: *Schtajerman E.M.* Die Krise der Sklavenhalterordnung im Westen des Römischen Reiches / Aus dem Russischen übersetzt und herausgegeben von W. Seyfarth. B., 1964; рец.: *Kiechle F.* // *Gnomon.* 1965. 37, 281–289).
64. *Штаерман Е.М.* 1964: Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М.
65. Antike Sklaverei... 2010: Antike Sklaverei: Rückblick und Ausblick. Neue Beiträge zur Forschungsgeschichte und zur Erschließung der archäologischen Zeugnisse / H. Heinen (Hrsg.) (Forschungen zur antiken Sklaverei. Bd 38). Stuttgart.
66. *Chantraine H.* 1967: Freigelassene und Sklaven im Dienst der römischen Kaiser. Studien zu ihrer Nomenklatur. Wiesbaden.
67. *Christ K.* 1990: Neue Profile der Alten Geschichte. Darmstadt.
68. *Deissler J.* 2010: Cold Case? Die Finley-Vogt-Kontroverse aus deutscher Sicht // Antike Sklaverei... 77–93.
69. *Demandt A.* 1984: Der Fall Roms. Die Auflösung des Römischen Reiches im Urteil der Nachwelt. München.
70. *Dementieva V.V.* 2005: Welskopfs «Produktionsverhältnisse im Alten Orient und in der griechisch-römischen Antike» als Gegenstand der Historiographie: der Einfluß ihrer sowjetischen Vorgänger // Elisabeth Charlotte Welskopf und die Alte Geschichte in der DDR / I. Stark (Hrsg.). Stuttgart, 157–169.
71. Die Geschichte des Altertums... 1980: Die Geschichte des Altertums im Spiegel der sowjetischen Forschung / H. Heinen (Hrsg.). Darmstadt.
72. Esclavage et dépendance... 1995: Esclavage et dépendance dans l'historiographie soviétique récente / M.-M. Mactoux, E. Geny (éd.). P.
73. *Fikhman I.F.* 2004: Review of Eduard D. Frolov, Russkaya nauka ob antičnosti. Istoriografičeskie očerki (La science russe de l'antiquité. Études historiographiques) // Scripta Classica Israelica. 23, 326–330.
74. *Florath B.* 2005: Zur Diskussion um die asiatische Produktionsweise // Elisabeth Charlotte Welskopf und die Alte Geschichte in der DDR / I. Stark (Hrsg.). Stuttgart, 184–200.
75. *Frolov E.D.* 1993: Schicksal eines Gelehrten: M.I. Rostovtzeff und sein Platz in der russischen Altertumswissenschaft // M. Rostowzew: Skythien und der Bosphorus, Band II. Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes / übers. und herausg. von H. Heinen in Verbindung mit G. M. Bongard-Levin und Ju.G. Vinogradov. Stuttgart, 198–222.
76. HAS 2008: Handwörterbuch der antiken Sklaverei / H. Heinen u. a. (Hrsg.). CD-ROM-Lieferung I–II. Stuttgart.
77. HAS 2010: Handwörterbuch der antiken Sklaverei / H. Heinen (Hrsg.). CD-ROM-Lieferung I–III. Stuttgart.
78. *Heinen H.* 2005: Das Mainzer Akademieprojekt «Forschungen zur antiken Sklaverei»: Geschichte und Bilanz, Perspektiven und Desiderate // Unfreie Arbeits- und Lebensverhältnisse von der Antike bis in die Gegenwart. Eine Einführung / E. Herrmann-Otto (Hrsg.). Hildesheim u. a., 371–394.
79. *Heinen H.* 2006: Michael Ivanovich Rostovtzeff (1870–1952) // Klassiker der Geschichtswissenschaft / L. Raphael (Hrsg.). Bd 1. München, 172–189.

80. Heinen H. 2010: Aufstieg und Niedergang der sowjetischen Sklavereiforschung: Eine Studie zur Verbindung von Politik und Wissenschaft // *Antike Sklaverei...* 95–138 (ital. per.: *Heinen H. Ascesa e declino della ricerca sovietica sulla schiavitù: uno studio sul rapporto tra politica e scienza* // *Rivista storica italiana*. 2010. 122. 2, 735–783).
81. Herrmann-Otto E. 2010: Das Projekt «Forschungen zur antiken Sklaverei» an der Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz // *Antike Sklaverei...* 61–75.
82. Hösler J. 1995: Die sowjetische Geschichtswissenschaft 1953 bis 1991. Studien zur Methodologie- und Organisationsgeschichte. München.
83. Jakobson V.A. 1980: Der Vordere Orient im Bereich der Keilschriftstudien // *Die Geschichte des Altertums...* 1980, 46–68.
84. Klejn L.S. 1997: Das Phänomen der sowjetischen Archäologie: Geschichte, Schulen, Protagonisten / Übersetzt von D. Schorkowitz unter Mitwirkung von V. Kulik. Frankfurt am Main u.a.
85. Korostovcev M.A. 1980: Das alte Ägypten // *Die Geschichte des Altertums...* 1980, 19–45.
86. Lauffer S. 1960: Die Sklaverei in der griechisch-römischen Welt // XIe Congrès International des Sciences Historiques. Stockholm, 21–28 août 1960. Rapports. Vol. 2. Antiquité. Göteborg u. a., 71–97 (=Gymnasium 68 (1961), 370–395).
87. Lencman Ja.A. 1966: Die Sklaverei im mykenischen und homerischen Griechenland / Autorisierte Übersetzung von M. Bräuer-Pospelova. Wiesbaden.
88. Lengauer W. 2000: Storia dell'antichità in URSS (1917–1956) // Index. Quaderni camerti di studi romanistici. 28, 89–116.
89. Ljapoustina E.V. 1990–1992: La structure économique et sociale de la villa gallo-romaine // AAASH. 33, 301–305.
90. Marcone A. (a cura di) 1999: Rostovtzeff e l'Italia. Napoli.
91. Marinović L.P., Golubcova E.S., Šifman I. Š., Pavlovskaja A.I. 1992: Die Sklaverei in den östlichen Provinzen des Römischen Reiches im 1.-3. Jahrhundert / übersetzt von J. Kriz unter Mitwirkung von G. Prinzing und E. Hermann-Otto. Stuttgart.
92. Maximova A. 2001: Joseph Vogt und die Begründung seines Sklavereiprojekts aus russischer Sicht // Fünfzig Jahre Forschungen zur antiken Sklaverei an der Mainzer Akademie 1950–2000. Miscellanea zum Jubiläum / H. Bellen, H. Heinen (Hrsg.). Stuttgart, 3–10.
93. McKeown N. 2007: The Invention of Ancient Slavery? L.
94. Nippel W. 2005: Wiedergelesen: Welskopfs «Produktionsverhältnisse im Alten Orient und in der griechisch-römischen Antike» // Elisabeth Charlotte Welskopf und die Alte Geschichte in der DDR / I. Stark (Hrsg.). Stuttgart, 170–183.
95. Pečirka J. 1964: Die sowjetischen Diskussionen über die asiatische Produktionsweise und über die Sklavenhalterformation // *Eirene*. 3, 147–169.
96. Pečirka J. 1967: Von der Asiatischen Produktionsweise zu einer marxistischen Analyse der frühen Klassengesellschaften // *Eirene*. 6, 141–174.
97. Petit P. 1972: L'esclavage antique dans l'historiographie soviétique // Actes du Colloque d'histoire sociale 1970 (Annales littéraires de l'Université de Besançon 128). P., 9–27.
98. Raskolnikoff M. 1975: La recherche soviétique et l'histoire économique et sociale du monde hellénistique et romain. Strasbourg.
99. Raskolnikoff M. 1980: Dix années de recherches soviétiques sur l'histoire économique et sociale du monde romain (1966–1975) // *Ktéma*. 5, 3–69.
100. Rubinsohn W.Z. 1993: Die großen Sklavenaufstände der Antike. 500 Jahre Forschung. Darmstadt.
101. Schmitt Th. 2005: Alte Geschichte in der Sowjetunion. Sondierungen in fremder Erde // Elisabeth Charlotte Welskopf und die Alte Geschichte in der DDR / I. Stark (Hrsg.). Stuttgart, 65–77.
102. Shtaerman E.M. 1969: Die Blütezeit der Sklavenwirtschaft in der römischen Republik / autorisierte Übersetzung von Maria Bräuer-Pospelova. Wiesbaden.
103. Trilling W. 1980: Der zweite Brief an die Thessalonicher (Evangelisch-Katholischer Kommentar zum Neuen Testament, XIV). Zürich u.a.
104. Vittinghoff Fr. 1960: Die Bedeutung der Sklaven für den Übergang von der Antike in das abendländische Mittelalter // XIe Congrès International des Sciences Historiques. Stockholm, 21–28 août 1960. Résumés des Communications. Göteborg u.a., 71–73.
105. Vittinghoff Fr. 1961: Die Bedeutung der Sklaven für den Übergang von der Antike in das abendländische Mittelalter // *Historische Zeitschrift* 192, 265–272.
106. Vittinghoff Fr. 1962: Die Sklavenfrage in der Forschung der Sowjetunion // *Gymnasium* 69, 279–286.
107. Vogt J. 1972: Sklaverei und Humanität. Studien zur antiken Sklaverei und ihrer Erforschung. 2. Aufl. Wiesbaden.
108. Wes M.A. 1990: Michael Rostovtzeff, Historian in Exile. Russian Roots in an American Context. Stuttgart.

109. *Westermann W.L.* 1935: Sklaverei // RE. Splbd VI, 894–1068.
110. *Westermann W.L.* 1955: The Slave Systems of Greek and Roman Antiauity. Philadelphia.
111. *Wittfogel K.A.* 1962: Die orientalische Despotie. Eine vergleichende Untersuchung totaler Macht. Köln–Berlin (ориг.: Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven–London, 1957).

RISE AND DECLINE OF SOVIET SLAVERY RESEARCH: A STUDY ON THE INTERRELATION BETWEEN POLITICS AND SCIENCE

H. Heinen

The paper traces the development of Soviet studies on ancient slavery from their beginnings after the October Revolution until Perestroika in the 1980s. It shows how these studies, while closely dependent on the political directives of the Marxist-Leninist authorities, slowly moved from initial sociological generalizations to specialised research. Further development was however hampered by an orthodoxy which became ever more rigid, notwithstanding efforts of some historians to create more space for debate. The contribution ends with a retrospective from a post-Soviet point of view, mustering the results and reflecting on the standstill already before Perestroika. A postscript addresses the works of the Soviet ancient historian M.E. Sergeenko, illustrating the possibility of doing research without Marxism, neither opposing nor embracing it.

Keywords: USSR, historiography, ancient slavery, Marxism, E.M. Štaerman, M.E. Sergeenko.